

ОГОНЁК
№ 10 МАРТ 1973
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ВЕРНОСТЬ ИДЕЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 10 (2383)

Основан
1 апреля 1923 года

3 МАРТА 1973

ароды Чехословакии, страны социалистического содружества, все прогрессивные силы отметили большой праздник — 25-летие исторической февральской победы чехословацких трудящихся над реакцией, победы, открывшей республике путь к социализму.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин направили Генеральному секретарю ЦК КПЧ Г. Гусаку, Президенту ЧССР Л. Свободе и Председателю правительства ЧССР Л. Штроугалу приветствие, в котором говорится:

«За истекшие четверть века чехословацкий народ под руководством своего испытанного авангарда — коммунистической партии, в союзе с народами других социалистических стран добился замечательных успехов в развитии промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры, в повышении жизненного уровня. Социалистическая Чехословакия сегодня — это прочное звено мировой системы социализма».

Для участия в праздновании славного юбилея по приглашению ЦК КПЧ, Президента и правительства ЧССР в Прагу прибыл Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев.

22 февраля Л. И. Брежнев в теплой, товарищеской обстановке вручил в Пражском Граде орден Ленина Генеральному секретарю ЦК КПЧ товарищу Г. Гусаку. Этой высокой награды Г. Гусак удостоен за выдающуюся роль в развитии братской дружбы и сотрудничества между народами Советского Союза и Чехословакии, за большой вклад в дело укрепления мира и социализма и в связи с 60-летием со дня рождения.

23 февраля в Праге, на Староместской площади, состоялся торжественный митинг в честь 25-летия февральской победы. На трибуне — Генеральный секретарь ЦК КПЧ Г. Гусак и Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. Вместе с ними — Президент ЧССР Л. Свобода, Председатель правительства ЧССР Л. Штроугал, члены и кандидаты в члены Президиума ЦК КПЧ В. Биляк, К. Гофман, А. Индра, А. Капек, Й. Кемпный, Й. Корчак, Й. Ленарт, П. Цолотка, М. Грушкович, В. Гула, секретари ЦК КПЧ Я. Фойтик, О. Швестка, Ф. Ондржих. Здесь же — посол СССР в ЧССР С. В. Червоненко, другие советские товарищи.

На митинге с речью выступил Генеральный секретарь ЦК КПЧ Г. Гусак. Он сказал: «Февраль открыл путь строительства социализма. Благодаря самоотверженному труду миллионов людей за истекшие 25 лет был претворен в жизнь ленинский план построения социалистического общества. Социализм, как новый и высший общественный строй, оправдал надежды народа».

Аплодисментами и приветственными возгласами собравшихся была встречена речь Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, который подчеркнул: «Все главное, что составляет смысл жизни и труда народов Советского Союза и Чехословакии, роднит и объединяет нас. Мы вместе боремся за воплощение идеалов рабочего класса. Мы связаны общим стремлением к миру, решимостью приложить все усилия, чтобы обеспечить безопасность стран социализма и отвести от человечества угрозу войны... Мы вместе строим и укрепляем наше великое общее достояние — социалистическое содружество».

Выражением чувства дружбы и благодарного уважения к Генеральному секретарю ЦК КПСС явилось вручение 23 февраля Л. И. Брежневу высшей награды ЧССР — ордена Белого Льва первой степени с цепью, которым он награжден по предложению ЦК КПЧ и правительства

22 февраля. Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев в в Пражском Граде вручил орден Ленина Генеральному секретарю ЦК КПЧ товарищу Г. Гусаку.

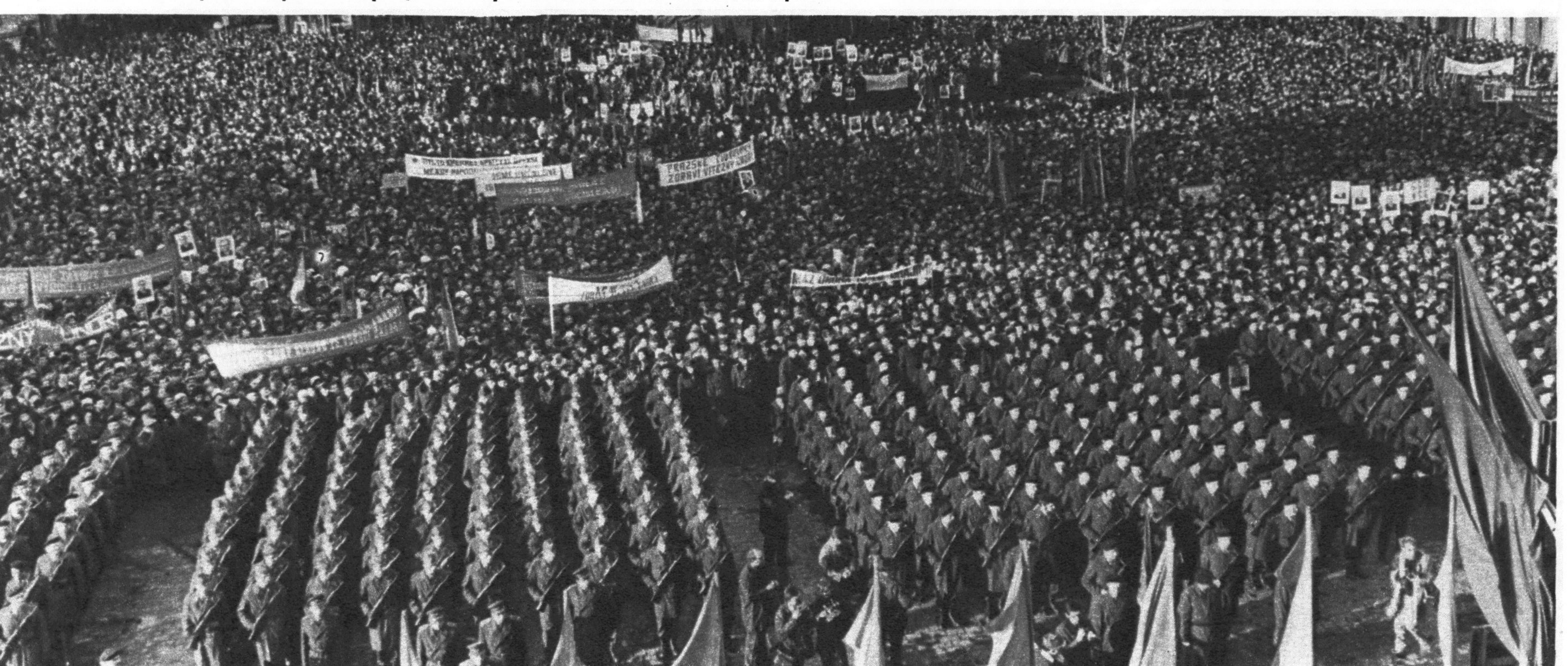
На снимке: после награждения.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС).

М ЛЕНИНИЗМА

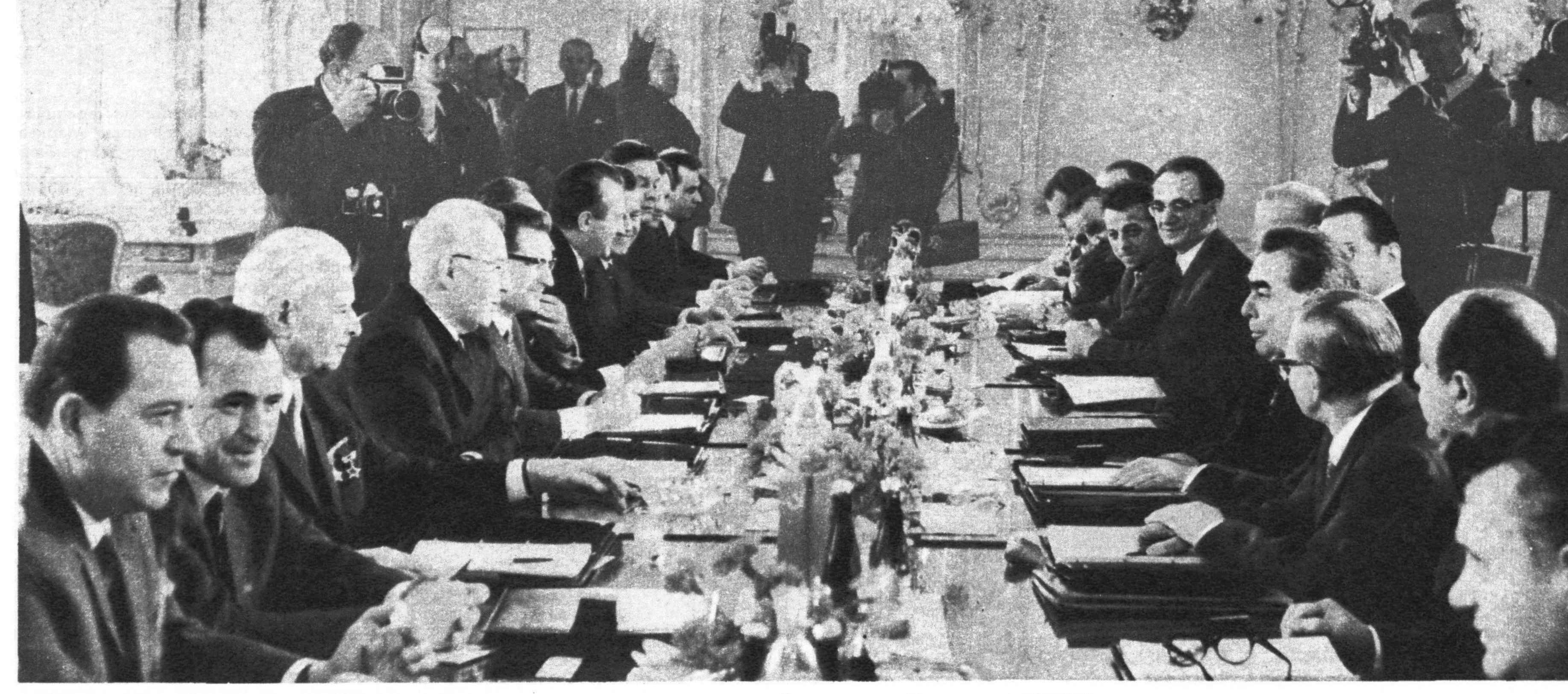
Во время встречи товарища Л. И. Брежнева на Главном вокзале Праги.

Торжественный митинг на Староместской площади в Праге в честь 25-летия февральской победы.

В президиуме митинга.

Встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с членами и кандидатами в члены Президиума ЦК КПЧ.

республики Президентом ЧССР за выдающийся вклад в развитие чехословацко-советской дружбы и в связи с 25-летием февральской победы трудового народа.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев встретился 23 февраля в Пражском Граде с членами и кандидатами в члены Президиума ЦК КПЧ В. Биляком, К. Гофманом, Г. Гусаком, А. Индрой, А. Капеком, Й. Кемпным, Й. Корчаком, Й. Ленартом, Л. Свободой, Л. Штроугалом, П. Цолоткой, М. Грушковичем, В. Гулой, председателем Центральной контрольно-ревизионной комиссии КПЧ М. Якешем, секретарями и членами Секретариата ЦК КПЧ Я. Фойтиком, Ф. Ондржихом, О. Швесткой, М. Моцем и заведующим международным отделом ЦК КПЧ П. Ауэрспергом.

Во встрече приняли участие член ЦК КПСС, посол СССР в ЧССР С. В. Червоненко, член Центральной ревизионной комиссии КПСС А. М. Александров, заместитель заведующего отделом ЦК КПСС Г. Х. Шахназаров.

Встреча прошла в сердечной, товарищеской атмосфере и вновь подтвердила полное единство взглядов по всем вопросам.

24 февраля Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев отбыл на родину. На Главном вокзале Праги Л. И. Брежнева провожали Генеральный секретарь ЦК КПЧ Г. Гусак, Президент ЧССР Л. Свобода, Председатель правительства ЧССР Л. Штроугал и другие руководящие партийные, государственные и общественные деятели Чехословакии.

Празднование 25-й годовщины Февраля стало новым свидетельством нерушимой, братской дружбы народов СССР и Чехословакии.

25 февраля в Москву из Праги возвратился Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев.

На Киевском вокзале товарища Л. И. Брежнева встречали товарищи А. П. Кириленко, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, Ю. В. Андропов, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, В. И. Долгих, И. В. Капитонов, члены ЦК КПСС Б. П. Бещев, В. В. Кузнецов, Г. С. Павлов, Г. Э. Цуканов, К. У. Черненко, Н. А. Щелоков, член Центральной ревизионной комиссии КПСС О. Б. Рахманин.

В числе встречавших были посол ЧССР в Советском Союзе Ян Гавелка, сотрудники чехословацкого посольства.

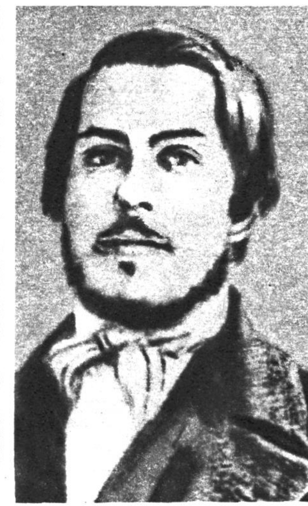

Президент ЧССР Л. Свобода вручает товарищу Л. И. Брежневу орден Белого Льва первой степени с цепью.

Встреча на Киевском вокзале. Фото В. Кошевого и А. Стужина (ТАСС).

К. Маркс и Ф. Энгельс в период создания «Манифеста Коммунистической партии». С рисунков художника М. Легата.

Обложка «Манифеста Коммунистической партии» издания 1848 года.

Обложка русского издания «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, напечатанного в Женеве в 1882 году.

КНИГА, ЖИВУЩАЯ В ВЕКАХ

Есть книги совершенно особенной судьбы. Время как бы не властно над ними — идеи, заключенные в них, продолжают сохранять свою силу.

125 лет назад, в конце февраля 1848 года, в лондонском издательстве «Рабочего просветительного общества» вышла небольшая — всего в 23 страницы — книжечка, на титуле стояло: «Манифест Коммунистической партии».

В. И. Ленин сказал об этой книжечке, что она «стоит целых томов: духом ее живет и движется до сих пор весь организованный и борющийся пролетариат...». Творцами «Манифеста Коммунистической партии» были Карл Маркс и Фридрих Энгельс.

К 125-летию «Манифеста Коммунистической партии» Музей К. Маркса и Ф. Энгельса в Москве устроил выставку изданий знаменитого документа. В основу положена богатая коллекция, собранная Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Гордость коллекции — книга, дарственная надпись на которой гласит: «Георгию Плеханову — первое издание «Манифеста Коммунистической партии». 10 сентября 1894 года, от Элеоноры Маркс». Этот экземпляр был подарен младшей дочерью К. Маркса, Элеонорой Маркс, переводчику «Манифеста» на русский язык, организатору первой русской марксистской группы «Освобождение труда» Г. В. Плеханову.

Рядом с первым изданием «Манифеста» — собрание его публикаций, имевших место при жизни К. Маркса и Ф. Энгельса,— на немецком, английском, русском, французском, испанском, польском, сербском, румынском, шведском и других языках. Среди них «Манифест», опубликованный чартистами Англии в их органе «Ред рипабликен» («Красный республиканец») в 1850 году, который впервые вышел с фамилиями авторов. Большую ценность представляет ряд авторизованных изданий на немецком языке, а также издание на французском языке, подготовленное дочерью Маркса Лаурой и Полем Лафаргом и просмотренное до печати Ф. Энгельсом.

Раздел выставки «В. И. Ленин и «Коммунистический манифест» посвящен выдающейся роли В. И. Ленина в деле пропаганды первого программного документа научного коммунизма. Владимир Ильич много сделал для раскрытия содержания, творческого развития гениальных идей «Манифеста», для претворения их в жизнь. Еще совсем молодым человеком, начав работу в самарских марксистских кружках, Ленин перевел для участников этих кружков «Манифест Коммунистической партии». Этот прекрасный перевод зачитывался в кружках, ходил по рукам, но, к сожалению, подвергся уничтожению.

В произведениях В. И. Ленина ссылки на «Манифест Коммунистической партии» и выдержки из него встречаются более ста раз. Приводя отдельные места из «Манифеста», Ленин большей частью дает их в своем переводе. Благодаря этому стало возможным в современных изданиях «Коммунистического манифеста» все особенно важные его положения давать в ленинском переводе.

Следующий большой раздел выставки — «Коммунистический манифест» в России и в СССР». Его открывает первый научный перевод «Манифеста» на русский язык в издании 1882 года, подготовленном Г. В. Плехановым. Это издание открывается предисловием авторов. В нем Маркс и Энгельс, превосходно знавшие положение в России, назвали ее «передовым отрядом революционного движения в Европе».

На выставке экспонируется уникальное собрание нелегально изданных экземпляров «Манифеста Коммунистической партии». Участники подпольных марксистских кружков, возникших в 80—90-х годах в Москве, Петербурге, Казани, Харькове, Нижнем Новгороде, Калуге и других городах, тщательно изучали «Манифест», размножали книгу самыми различными способами, часто переписывая ее от руки.

После основания в 1903 году пролетарской партии нового типа во главе с В. И. Лениным изучение «Коммунистического манифеста» получило еще более широкое распространение. Оно входило в программы партийных школ и кружков, стало насущным делом для всех сознательных рабочих. Во время первой русской революции, в 1906 году, выходит «Манифест Коммунистической партии» в переводе соратника Ленина талантливого литератора и публициста В. В. Воровского.

Большой интерес представляют издания «Коммунистического манифеста», вышедшие в 1917 году и в первые годы Советской власти. В тяжелейшей обстановке гражданской войны и интервенции появлялись все новые и новые издания «Манифеста» — чаще всего на оберточной бумаге, с плохим шрифтом, но все более увеличивавшимися тиражами.

Постановлением Советского правительства собирание, издание и пропаганда трудов основоположников марксизма поручаются специально созданному Институту К. Маркса и Ф. Энгельса, который с 1923 по 1931 год выпустил 17 изданий «Манифеста». В 1932 году появляется первый после Октябрьской революции научно уточненный перевод «Коммунистического манифеста», выполненный видным деятелем партии, крупным историком и знатоком марксизма В. В. Адоратским. Это издание печатается тиражом в 800 тысяч экземпляров.

За годы Советской власти число изданий «Коммунистического манифеста» в нашей стране составило 443 на 74 языках народов СССР и зарубежных стран, общий тираж — 23 миллиона 854 тысячи экземпляров.

Заключительный раздел выставки — богатейшее и единственное в своем роде собрание публикаций «Манифеста Коммунистической партии», осуществленных братскими коммунистическими и рабочими партиями самых различных стран и континентов, в том числе последние издания марксистско-ленинских партий, действующих в условиях подполья.

Значение великих идей «Манифеста Коммунистической партии» в настоящее время все более возрастает, становится делом, революционной практикой миллионов и миллионов людей всей планеты.

Р. КОНЮШАЯ,
доктор исторических наук,
старший научный сотрудник
Музея К. Маркса и Ф. Энгельса

«ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО...»

В этой книге нет нумерации страниц, мы не знаем, сколько их: сто, двести, пятьсот... Это еще не дописанная песня, ее дописывать нам с вами, внукам и правнукам нашим. Но мы видим, явственно ощущаем — умом, сердцем, физически,— что перед нами очень большая, очень весомая книга.

В этой книге мало текста. Но она долго «читается», «от корки до корки», и долгое чтение это повергает тебя в глубокие раздумья о судьбах Отчизны, ты волнуешься, радуешься, грустишь, гордишься. Так бывает, когда слушаешь симфоническую музыку... Однако внесем ясность. Перед нами не книга, а фотоальбом, на обложке которого два многозначащих, будто золотом высеченных по белому камню, слова: «Советский Союз».

...Сотни фотографий. Большие и малые. Цветные и чернобелые. Лирические и жанровые снимки. Поэтические пейзажи и строгая графика строек. И в каждом снимке, как солнце в драгоценной грани,— кипучая жизнь нашего многонационального государства. Под фотографиями нет точных подписей. Это песня без слов. Да здесь они, пожалуй, и не требуются, потому что фотокадры разговаривают с тобой убедительным языком художественных образов. Идет ли речь о широких шагах девятой пятилетки или о незабываемо трудной, долгой поступи истории. И вот первое, трепетное прикосновение к ней. На первой же странице. Фотоснимок делегатов I Всесоюзного съезда Советов.

Читатели, вероятно, уже видели их—и в музее, и на киноэкране, и в нашем журнале. И тем не менее еще и еще раз мы будем пристально всматриваться в лица посланцев России и Украины, Закавказья и Белоруссии, в лица тех, кто закладывал первые камни в фундамент гигантского, светлого здания, под крышей которого в добром мире и согласии, в нерушимом братстве живут ныне более ста наций и народностей. Знакомьтесь, вот они, обитатели этого дома, имя которому СССР. Я переворачиваю всего лишь одну страницу альбома, а позади полвека. Пятнадцать великолепных портретов моих современников, сыны и дочери пятнадцати союзных республик. Это портреты-характеры. В них приметы времени и неповторимая индивидуальность. Я не знаю имен, био-

графий, занятий этих людей, тех мест, где они трудятся или учатся. Только по одному признаку — защитные очки — догадываюсь, что вот этот русский парень — один из пятнадцати — сталевар, представитель рабочего класса, хозяин страны. Но можно безошибочно утверждать, что все пятнадцать — и мило улыбающаяся украинская дивчина, и красавица из Прибалтики, и хитро поглядывающий на нас мудрец с Кавказа,— все они потомки и продолжатели дела тех, кто в декабре 1922 года принимал Декларацию об образовании СССР; потомки и продолжатели дела тех, кто строил Магнитку и Днепрогэс, потомки героев первой пятилетки, чей большой групповой портрет бережно положен на разворот: плечом к плечу сидят и стоят Стаханов, Кривонос, Бусыгин, Виноградова, Федорова...

Так «читается» эта книга о Родине, так фотографии-образы укрепляют в сознании твоем связь времен, поколений творцов нового мира. И мысль твоя невольно протягивает нити эпох от одного снимка к другому.

...Большая фотография, густо населенная множеством людей, лица которых, однако, нетрудно рассмотреть и «прочесть». Идет сессия Академии наук СССР. Цвет мировой науки: четвертая часть всех ученых мира трудится в СССР. А вот другой лист альбома. Тоже наука. Лаборатория. Молодая женщина-исследователь. И рядом снимок. Девчонка в лаптях и домотканом платье неловкими движениями водит напильник по бруску металла. И возникает мысль: может, кто-то из тех, кто заседает ныне в Академии наук, начинал свою жизнь вот так, как эта девчушка, или вот так, как тот парнишка, что растерянно смотрит на нас с фотографии давних времен: неловко сидит он за партой и при лучине огрызком карандаша выводит: «Мы не рабы!»

Нас не удивишь сказочно сложившимися судьбами, потому что нас учит жить и строить самая мудрая в мире партия — партия ленинцев-коммунистов. Вот ее лучшие сыны. Идет заседание XXIV съезда КПСС. Мы смотрим на фотографию и как бы слышим слова выступающего с Отчетным докладом Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, слышим слова о нерушимом единстве партии и народа, что придает несокрушимую силу нашему обществу, что помогает преодолевать любые испытания.

Нам и о них, об этих тяжких испытаниях, напоминают листы альбома.

...Тревожно полыхающее багровым заревом небо и краешек солнца, тяжело опустившегося за горизонт. Заканчивается еще один день войны. Так открывается раздел альбома с четко выраженной идеей: «Слава павших — память живых». Всего лишь несколько фотографий. Они сняты не там, где гремели пушки и рвались бомбы. Но они о войне, о военных ранах, навечно оставивших свой глубокий след и в душах людей и в душе истерзанной земли. И на этом поле алых маков.

Поле... Раздольная ширь русского поля... Царственная стать сосен лесов Прибалтики... Бескрайние степи украинской житницы и поднятая целина Казахстана... Каракумский канал, прорезавший пустыню Туркмении, и Волга, которая для нас «гораздо больше, чем река»... Заснеженные, задумчивые горы Кавказа и вечно грозный Тихий океан... Огромный мир пахучей листвы Сибири и веселые сады Молдавии.. Сколько их на страницах альбома, этих милых сердцам нашим образов Родины! Они тоже по-своему вызывают у нас трепетно-восторженное чувство: вот он, мой отчий дом, вот она, моя земля! И давно уже было замечено поэтом, что куда бы ни забросила тебя судьба, ты вспоминаешь Родину не только как «страну большую, какую ты изъездил и узнал, ты вспоминаешь Родину» и «такою, какой ее ты в детстве увидал. Клочок земли, припавший к трем березам, далекую дорогу за леском, речонку со скрипучим перевозом, песчаный берег с низким ивняком». Вот почему так долго рассматриваешь ты чарующе-пленительные страницы альбома, что одаривают тебя картинами родной земли.

Любовь к Родине!.. О неистребимой ее силе — листы альбома. Перелистываешь их, переносишься из года в год, из края в край Отчизны, из одной столицы союзной республики в другую, и проходят перед тобой нескончаемой чередой люди разных характеров, судеб, великие свершения их. Первые тракторы СТЗ и КамАЗ; стройки городов и электростанций; одухотворенные лица молодых ребят — они «не ГЭС открывали, открывали миры»; храмы наук и искусств; школьники и студенты; мастера кино и лыжного спорта; штурм пустыни и Арктики. И целая серия документальных фотографий, раскрывающих историческую миссию коммунизма — утвердить вечный мир на земле.

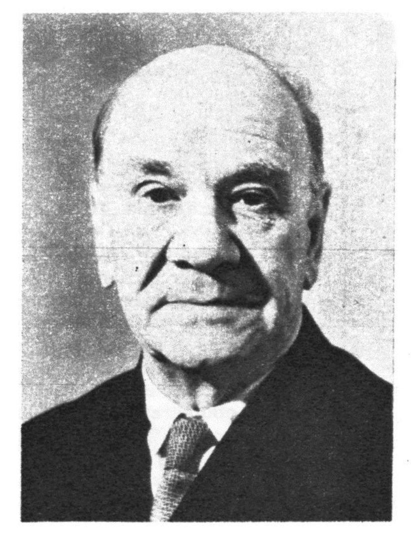
...Последние листы альбома. Москва. Люди идут к Ленину, на Красную площадь, на главную площадь страны, с которой, кажется, видна вся земля. И мысль уносит под своды открытого всему миру Кремлевского дворца, воскрешает в памяти недавние празднества по случаю 50-летия СССР, торжественное заседание, на котором присутствовали все двести сорок восемь миллионов человек, составляющих братскую семью народов СССР, составляющих еще неведомую истории общность — советский народ. Листаешь эти последние страницы альбома, и вновь испытываешь всеохватное, неисчерпаемо глубокое чувство истории, о которой так вдохновенно говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев: «Полувековая история Союза Советских Социалистических Республик — это история возникновения нерушимого единства и дружбы всех народов, объединившихся в рамках Советского социалистического государства. Это — история невиданного роста и всестороннего развития государства, рожденного социалистической революцией и ставшего сегодня одной из самых могущественных держав мира. Это — история возмужания и подлинного расцвета — экономического, политического и культурного — всех сплотившихся под его знаменем республик, всех населяющих страну наций и народностей».

Вот она здесь, на страницах альбома, эта история великого содружества наших народов, история, бережно и талантливо донесенная до нас языком фотографий-образов. Спасибо тем, кто это сделал, тем, кто по праву может сказать о себе: «Пою мое Отечество!..»

Л. ЛЕРОВ

«Советский Союз». Фотоальбом. Издательство «Планета». М. 1972.

Борис Владимирович ИОГАНСОН

Социалистическая культура понесла тяжелую невосполнимую утрату. На восьмидесятом году жизни скончался Борис Владимирович Иогансон — выдающийся советский художник, пламенный патриот, верный сын Коммунистической партии.

Кисти Б. В. Иогансона принадлежат произведения, ставшие классикой социалистического реализма. В своем подлинно народном искусстве он воплотил могучую силу пролетариата, утверждая гуманизм его революционной борьбы. Широко известные картины Б. В. Иогансона — «Допрос коммунистов», «На старом уральском заводе» — обошли весь мир, став художественным символом несгибаемой воли народа-борца.

Искусство художника коммуниста Б. В. Иогансона насыщено пафосом классовой борьбы. Драматизм судеб отдельных героев его картин неразрывно связан с возвышенным чувством непобедимости революции. Это вдохновенно и страстно воплощено в ярких реалистических образах, созданных замечательным живописцем. Они несут дыхание исторических битв нашего века.

Все творчество художника пронизано ярким оптимизмом, утверждает красоту и величие человека. Он создал ряд портретов своих современников, воспевал в картинах строительство новой жизни. Много лет с огромным вдохновением работал над образом В. И. Ленина.

Произведения Б. В. Иогансона — достойного продолжателя дела художников-передвижников — стали плодотворной, живой традицией, на которой воспиталось не одно поколение мастеров советского изобразительного искусства.

С именем Бориса Владимировича неразрывно связано становление советской художественной школы. Педагогическая деятельность была одним из самых значительных дел его жизни. Самоотверженно и увлеченно воспитывал он творческую молодежь. Его труды в области преподавания живописи стали основополагающими в советской художественной педагогике.

Все многочисленные публицистические сочинения, речи, выступления Б. В. Иогансона пронизаны страстной партийной убежденностью, верой в незыблемость принципов реалистического искусства.

Б. В. Иогансон стоял у истоков создания Союза художников СССР, возглавлял правление союза. Он был президентом Академии художеств СССР. Избирался депутатом Верховного Совета Союза ССР.

Многогранная деятельность народного художника СССР Б. В. Иогансона была высоко оценена партией и правительством. Ему присвоено звание Героя Социалистического Труда. Он награжден четырьмя орденами Ленина, орденом «Знак Почета», дважды удостоен Государственных премий СССР.

Полотна Бориса Владимировича Иогансона стали памятниками нашей прекрасной революционной эпохи. Созданные им образы донесут грядущим поколениям величие борьбы советских людей за воплощение коммунистических идеалов.

Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, Д. А. Кунаев, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, П. Е. Шелест, В. В. Щербицкий, Ю. В. Андропов, П. Н. Демичев, П. М. Машеров, Б. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, Д. Ф. Устинов, В. И. Долгих, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, Г. Ф. Сизов, Е. А. Фурцева, В. Ф. Шауро, А. А. Епишев, Е. М. Тяжельников, М. П. Георгадзе, М. К. Аникушин, Е. В. Вучетич, А. М. Грицай, У. М. Джапаридзе, Э. Ф. Калныньш, В. С. Кеменов, Е. А. Кибрик, Г. М. Коржев, П. Н. Крылов, Н. А. Кузнецов, Л. А. Кулиджанов, М. В. Куприянов, В. М. Орешников, Г. М. Орлов, Ю. И. Пименов, Н. А. Пономарев, В. И. Попов, Ф. П. Решетников, Н. М. Ромадин, В. Ф. Рындин, Н. А. Соколов, П. М. Сысоев, У. Тансыкбаев, Н. В. Томский, З. П. Туманова, К. А. Федин, Т. Н. Хренников, М. И. Царев, С. А. Чуйков, Д. А. Шмаринов, А. А. Шовкуненко.

ПРАВД
И Л

Академик Б. ГАФУРОВ

Как и все советские люди, я с большим волнением слушал доклад Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева о пятидесятилетии Союза ССР. Вот она, наша Отчизна, вот какие грандиозные преобразования совершились на советской земле! Ныне это вынуждены признать даже самые оголтелые недруги наши. И тем не менее иные «советологи» продолжают, правда, теперь уже куда более изощренными методами, доказывать, что черное есть белое, фальсифицировать правду истории. И, пожалуй, наибольшую активность проявляют здесь «специалисты» по национальному вопросу. Книжный рынок «свободного мира» заполонен их книгами-пасквилями.

Одна из них лежит на моем письменном столе. Профессор Тереза Раковская-Хармстоун написала «солидное исследование» с претензией на большую науку. «Россия и национализм в Средней Азии на примере Таджикистана» — так назвала она свою книгу. Мне вручили ее мои друзья в Индии, когда я был в феврале нынешнего года на конференции, посвященной социально-экономическому и культурному развитию стран Азии. Они знали, что я когда-то работал в Таджикистане, и, передавая сие сочинение, не преминули заметить: «Вам, вероятно, будет интересно познакомиться с этой плохо закамуфлированной идеологической диверсией, претендующей на научное исследование...»

Г-жа Раковская-Хармстоун «исследует» новейшую историю Советского Таджикистана. Ее особенно заинтересовало первое послевоенное десятилетие его развития. Ну, что ж, ученый вправе сам выбирать и место и время исследуемых им событий. Хотя всем известно, какими чрезвычайно трудными были для нашей страны первые послевоенные годы, и вряд ли на их основе можно делать обобщающие выводы. Но не будем спорить по этому поводу. Итак, Таджикистан в первые послевоенные годы... Мне никогда не забыть их — я был непосредственным участником строительства социалистического Таджикистана той поры. Листаю страницы книги, и первое, что бросается в глаза,— это тенденциозные, нечестные приемы, которые ученая дама пытается выдать за научный анализ истории таджикского народа, равного среди равных в семье братских народов Советского Союза.

Сразу становится ясно: книга эта, пропитанная плохо завуалированным антисоветизмом и антикоммунизмом, в наукообразной форме призвана внушить неискушенному читателю заведомую неправду, фальсифицировать советскую действительность, ленинскую национальную политику КПСС. Но в отличие от сочинений многих антикоммунистов здесь методология искажения исторической правды, я бы сказал, в какой-то мере усовершенствована. К чему сводится это усовершенствование? Поскольку грандиозные политические, экономические, социальные и культурные достижения братских среднеазиатских республик — факт неопровержимый, г-жа Раковская-Хармстоун тоже вынуждена признать, что социализм является мощным ускорителем социального прогресса

А ИСТОРИИ
ОЖЬ СОВЕТОЛОГОВ

многочисленных «нерусских народов», живущих на бывших окраинах бывшей Российской империи. Но тут же г-жа пускается в пространные рассуждения, смысл которых очевиден — очернить все советское.

Не утруждая себя доказательствами, а главное, игнорируя общеизвестные исторические факты, она заявляет, будто «традиционно существовала вражда между таджиками и узбеками»; что «существует русское господство в структуре власти» Таджикистана; что «создаются социальные и экономические привилегии для европейцев»; что «тяжелая промышленность в Таджикистане неразвита»; что «колхозы строятся по национальному признаку и почти нет смешанных (то есть многонациональных) колхозов»; что «уровень жизни в Средней Азии ниже среднего уровня жизни в СССР»; что «медицинское обслуживание в Таджикистане хуже, чем в других районах Советского Союза», и т. п.

«Нет большего бесстыдства, чем выдавать за правду утверждение, ложность которого заведомо известна»,— говорится в книге «Кабуснаме», древнем памятнике культуры персоязычных народов, к которым принадлежат и таджики. Именно такого рода моральные качества демонстрирует Раковская-Хармстоун.

Любому объективному деятелю из капиталистического мира — тому, кто имеет глаза и уши,— заведомо известна ложность всех этих утверждений. А у советских людей они вызывают лишь ироническую улыбку.

«Тяжелая промышленность неразвита». А как быть с Нурекской ГЭС, как быть с тем гигантским промышленным комплексом, что создается вокруг этой электростанции, как быть с теми 300 крупными промышленными предприятиями, что возникли в Таджикистане за годы Советской власти? На земле, где жил народ, обреченный царизмом на вымирание, созданы такие отрасли промышленности, как горнорудная, электротехническая, химическая, машиностроительная. В Регаре сооружается Таджикский алюминиевый завод, который будет давать «крылатый металл»; в Яване строится и в нынешней пятилетке начнет действовать электрохимический комбинат. А каскады варзобских и вахшских ГЭС, а кайраккумская ГЭС «Дружба народов» на Сырдарье? Что вы скажете по этому поводу, госпожа профессор?

Г-жа Тереза всячески подчеркивает свою претензию на особый «научный» подход к социальным явлениям и тут же напевает изрядно надоевшую песенку из репертуара самых оголтелых антикоммунистов о так называемом русификаторстве, о якобы создаваемых социальных и экономических «привилегиях для европейцев». Автор, извращенно трактуя экономическое и социальное развитие советских национальных республик, и в частности Таджикистана, не желает видеть, как все более явственно активизируется здесь процесс интернационализации нашей жизни. Сближение наций как закономерный результат глубоких и всесторонних социально-политических изменений, происшедших за минувшие полвека, преподносится как насильственно навязываемый народам «ассимиляционный процесс».

В своем сочинении г-жа профессор то и дело стремится подчеркнуть свою мнимую объективность в освещении исторических фактов. Но о какой объективности может идти речь, если ученый полностью игнорирует и замалчивает такой выдающийся факт в истории человечества, как возникновение новой исторической общности людей — советского народа? Эта историческая общность основана на глубочайших политических, экономических, социальных, культурных, духовных и иных революционных изменениях в жизни советских наций и народностей, между которыми сложились интернациональные отношения принципиально нового типа, которых до этого не знала мировая цивилизация. Возникновение новой исторической общности — советского народа — находится поистине в первом ряду самых выдающихся социальных событий XX века. Это — торжество ленинской национальной политики нашей партии, торжество социалистического интернационализма, идей дружбы и братства советских народов. «Дальнейшее сближение наций и народностей нашей страны,— говорил в своем докладе о 50-летии образования СССР Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев,— представляет собой объективный процесс. Партия против того, чтобы его искусственно форсировать,— в этом нет никакой нужды, этот процесс диктуется всем ходом нашей советской жизни. В то же время партия считает недопустимыми какие бы то ни было попытки сдерживать процесс сближения наций, под тем или иным предлогом чинить ему помехи, искусственно закреплять национальную обособленность, ибо это противоречило бы генеральному направлению развития нашего общества, интернационалистическим идеалам и идеологии коммунистов, интересам коммунистического строительства».

Антикоммунистические «критики» нашей национальной политики, к нечестивому сонму которых относится и Раковская-Хармстоун, выдавая себя за приверженцев традиционализма, проливают крокодиловы слезы по поводу того, что при Советской власти отсталые, консервативные, религиозные, общинные, патриархальные обычаи, нравы и традиции неизбежно уходят в прошлое, теряют почву в современной жизни. Более того, автор пытается представить коммунистов-интернационалистов как неких «противников» национальной самобытности, национального самосознания и т. п. Трудно придумать более нелепые утверждения! Марксисты-ленинцы — самые решительные противники буржуазного национализма, сеющего вражду между трудящимися разных национальностей в интересах эксплуататорских классов. Вместе с тем нет более последовательных сторонников подлинно национальных идей, культуры, самосознания, традиций, чем коммунисты-интернационалисты.

И это вполне понятно. Только безоговорочное уничтожение всех без исключения форм национального гнета — за что и борются коммунисты — открывает простор для всестороннего расцвета национальной экономики, культуры.

Сочинение Т. Раковской-Хармстоун проникнуто стремлением посеять рознь между народами Средней Азии и великим русским народом, нашим братом в интернациональной семье советских народов. Ее книга пестрит такими выражениями, как «русское господство», «политика Москвы», «пренебрежение к местным нуждам», «привилегии для европейцев» (под последними подразумеваются русские, украинцы и представители других народов, помогавших Средней Азии преодолеть ее отсталость). Автор антикоммунистического сочинения пытается оклеветать политику нашей партии, которая обеспечила выравнивание уровней экономического, социально-политического и культурного развития союзных республик. О каком «господстве», о каких «привилегиях» может идти речь, если народы центральных районов страны предпринимали огромные усилия, а подчас шли и на жертвы во имя преодоления отсталости национальных окраин. Я имею в виду республики Закавказья, Средней Азии, Казахстана. Им безвозмездно были отправлены многие фабрики и заводы. Из России, с Украины были посланы в помощь братским народам инженеры, квалифицированные рабочие, ученые, педагоги. Прошли годы. И наступил новый этап жизни наших республик — последовательный и всесторонний курс общесоюзной хозяйственной политики.

Такова неопровержимая правда истории, правда нашей советской жизни, которую никому не удастся оболгать, фальсифицировать. Да, мы всегда будем благодарны русскому народу, могучему русскому языку, который стал в наши дни языком взаимного общения всех наций и народностей Советского Союза, облегчая дальнейшее сближение наций и народностей СССР во всех сферах и областях материальной и духовной жизни.

Как же может госпожа профессор, игнорируя все это, разглагольствовать о каком-то выдуманном антикоммунистами русификаторстве? Поговорила бы она на эту тему с моими земляками, они сказали бы ей, что дал им русский народ, русский рабочий класс, с честью выполнившие свой интернациональный долг. Они сказали бы ей словами своего любимого поэта Мирзо Турсун-заде: «Когда в Восточной Бухаре был свергнут эмират, когда, наш край животворя, пришел к нам русский брат,— тогда слова «свобода», «хлеб» на русском языке впервые услыхали мы в таджикском кишлаке». Они рассказали бы, как русские люди помогали строить первые предприятия, готовить национальные кадры, как Россия помогала моему народу и машинами, и людьми, и финансами. Они привели бы показательную цифру: за годы существования СССР объем промышленной продукции в Таджикской ССР вырос в 500 раз. Они поведали бы волнующую историю совхозов и колхозов в Яванской долине. Веками она изнывала от жажды. А рядом, за горным хребтом Каратау, нес миллионы кубометров живой воды необузданный Вахш. И тогда на помощь таджикским гидростроителям пришли метростроевцы Москвы, и прорубили сквозь толщи гранита семикилометровый тоннель, и открыли дорогу воде в Яван. Сейчас целинники выращивают тут богатые урожаи хлопка, винограда, фруктов.

Кстати, о сельском хозяйстве, о колхозах, которые якобы строятся «по национальному признаку». Я позвонил в один из районов Таджикистана, Колхозабадский, и рассказал, что пишет о Таджикистане госпожа Тереза. Мой собеседник весело рассмеялся и сказал: «Все колхозы нашего района многонациональны. Например, в колхозе «Москва» живут 680 семей различных национальностей, из них туркменских семей — 259, узбекских — 180, таджикских — 169, русских — 7, татарских — 5, люли — 48, башкир — 9, уйгур — 3. На полях колхоза «1 Мая» трудятся люди семи национальностей». Нужно ли еще что-нибудь добавлять к этому красноречивому ответу клеветнице!

Не менее чудовищна и другая выдумка Раковской-Хармстоун: якобы в наши дни существует какая-то вражда между народами Средней Азии, в частности между таджиками и узбеками. Даже в далекие исторические времена лучшие люди таджикского и узбекского народов вместе отстаивали прогресс, создавали культурные ценности, совместно боролись против угнетателей и захватчиков. Великий узбекский поэт Алишер Навои и классик таджикско-персидской поэзии Абдуррахман Джами были связаны тесной творческой и человеческой дружбой. Память о ней свято хранят и чтут узбеки и таджики, и символом ее является недавно сооруженный в честь двух сынов наших народов памятник в Самарканде. Выдающийся деятель культуры народов Средней Азии Садриддин Айни был одновременно основоположником и узбекской и таджикской советской художественной литературы. Общий труд в колхозах и совхозах, на заводах и фабриках, совместная деятельность в многонациональных научных, культурных, художественных

коллективах сплотили воедино узбеков и таджиков, равно как и все другие народы нашей страны.

Дружба советских народов, и в том числе братская дружба узбекского и таджикского народов, нерасторжима. Таджики горячо любят видного узбекского писателя Шарафа Рашидова, замечательного узбекского драматурга Камиля Яшена, наслаждаются игрой узбекской актрисы Сары Ишантураевой, Халимы Насыровой, искусством прекрасной танцовщицы Мукаррамы Тургунбаевой. В Узбекистане одним из любимых поэтов стал выдающийся мастер таджикской поэзии Мирзо Турсун-заде, которого также пыталась оболгать в своей книжке Раковская-Хармстоун.

Я не могу не привести здесь прекрасные слова, которые произнес видный партийный и государственный деятель, писатель Узбекистана Шараф Рашидович Рашидов с трибуны торжественного заседания в честь 50-летия образования СССР: «В мире нет ничего крепче дружбы советских народов. Она тверже алмаза, прочнее гранита, чище родниковой воды, она горяча и светла, как само солнце. А в братской дружбе — непреоборимая сила наших народов, залог наших грядущих побед».

Широко распространенным явлением стали межнациональные браки, в том числе браки между сынами и дочерьми таджикского и узбекского народов. Упрочились интернациональные связи культур Узбекистана и Таджикистана. Им глубоко чуждо стремление замыкаться в своей национальной скорлупе, обособляться и кичиться своей национальной спецификой. Ведь любая из советских национальных культур питается, по меткому слову Л. И. Брежнева, «не только из собственных родников, но и черпает из духовного богатства других братских народов и, со своей стороны, оказывает на них благотворное влияние, обогащает их».

Но вот это-то больше всего и раздражает Раковскую-Хармстоун. Ее не устраивает классовый социалистический характер национальных культур советских народов. В этом она усматривает даже некую «угрозу» национальной специфике. Общеизвестно, что в Средней Азии в начале 20-х годов от 90 до 96 процентов населения не знало элементарной грамоты. Не такую ли, с позволения сказать, «специфику» жаждет возродить и увековечить Раковская-Хармстоун? К счастью, сие от нее не зависит.

Сегодня в республиках Средней Азии и в Казахстане нет неграмотных, а почти половина населения каждой из них — люди с высшим и средним образованием. В соседнем с моим родным Таджикистаном братском Узбекистане трудится больше специалистов с высшим и средним специальным образованием, чем в народном хозяйстве всего Советского Союза в конце 20-х годов. Университеты, научные институты, республиканские Академии наук, бурный расцвет литературы и искусства, расцвет народного творчества — вот он, сегодняшний день культуры народов Средней Азии. И никаким «советологам» не дано перечеркнуть это.

Раковская-Хармстоун грубо искажает и фальсифицирует советские источники, знатоком которых она пытается себя представить. Она полностью игнорирует прогрессивные народные движения в предреволюционной Средней Азии, в частности в Таджикистане, она лжет, когда утверждает, что «массы мусульман были инертными», когда басмачество называет «партизанским движением», когда реакционных феодалов и мулл, лидеров басмачей объявляет выразителями интересов народа. Госпожа профессор делает вид, будто неизвестно ей о борьбе беднейших крестьянских масс, трудящихся народов Средней Азии против басмачей. Конечно, ей это известно, но это не «вписывается» в ее фальсификаторские замыслы.

Она искажает правду истории, прибегая к самым бесчестным приемам. Пытаясь доказать, якобы в Средней Азии не было условий для развития революционного движения, что Советская власть была установлена силой извне, профессор приводит слова В. В. Куйбышева, сказанные им в 1934 году. Тогда, на митинге в Душанбе, товарищ В. В. Куйбышев, обрисовывая положение в Бухаре в 1921 году, говорил: «Революционеры-коммунисты — таджики, узбеки насчитывались единицами». Раковская-Хармстоун спешит «обобщить» и относит эти слова ко всей Средней Азии, причем не 1921, а 1925 года, когда число коммунистов узбеков, таджиков, туркмен насчитывалось десятками тысяч.

Книга Раковской пестрит цитатами из советских исследований, газет, журналов, но она беззастенчиво перевирает их, произвольно делает свои добавления, обрубает ту часть предложения, которая опровергает ее, вставляя в середину фразы свои слова, надеясь, что неискушенный читатель не заметит фальсификации. Объем этой статьи не позволяет мне заняться опровержением всех ее лживых тезисов, ссылками на те же источники, которые «изучала» госпожа Раковская-Хармстоун. Но не могу не привести такую передержку, недостойную ученого. Ссылаясь на «Историю таджикского народа», она пишет: «По официальному признанию, именно Красная Армия (которая почти исключительно состояла из русских и других славян), а не местные малочисленные сторонники коммунистов, — далее она цитирует источник, — сыграла главную роль в ликвидации банд басмачей» и «вела беззаветную борьбу против контрреволюционеров и иностранных интервентов». «Исследовательница», конечно же, достаточно хорошо знает русский язык, чтобы прочесть на страницах 176—177-й «Истории таджикского народа» следующие строки: «Главную роль в уничтожении басмаческих масс сыграла Красная Армия, которая вела беззаветную борьбу против басмаческой контрреволюции и иностранной интервенции за счастье таджикского народа... **вместе с представителями русского народа в ее доблестных рядах сражались украинцы, белорусы, татары, узбеки, таджики и многие другие».** Но профессору не по душе эти строки, и она грубо «подгоняет» цитаты под свои заведомо ложные, клеветнические концепции. Факты истории свидетельствуют против этих ее концепций. Но она, видимо, считает, что тем хуже для фактов.

Сколько всяческих небылиц о Таджикистане нагорожено ею! Тут и утверждение, будто никакой таджикской нации не существует; и что Таджикистан якобы создан искусственно, в целях какого-то «разобщения» народов Туркестана. И снова «рука Москвы»,— Советской власти приписывается излюбленная колонизаторами и империалистами политика «разделяй и властвуй». Вот уж поистине с больной головы на здоровую! Вспомним события хотя бы последних десяти лет. Братоубийственная война в Нигерии, конфликты между народами севера и юга Судана, напряженные отношения между государствами Южной Азии. Вот она где, гнусная политика империалистов: разделяй и властвуй!

Прочитав книгу Раковской-Хармстоун, я понял, почему так возмущались этим «исследованием» наши индийские друзья: ложь, клевета, профанация науки, запрещенные приемы, передержки — и все во имя того, чтобы угодить своему хозяину.

Сочинение Раковской-Хармстоун — это напыщенное, претенциозное произведение, созданное по социальному заказу и на средства различных «просветительных» организаций, финансируемых крупными монополиями, далеких как от науки, так и от желания добиваться взаимопонимания, сотрудничества, дружбы народов. Тем не менее автор претендует на серьезное научное исследование. Книга снабжена обширным библиографическим списком, в который включено около 100 исследований, главным образом западных. В числе автора последних — «маститые» советологи-антикоммунисты, так сказать, духовные наставники, учителя Раковской-Хармстоун. Это целая группа опытных американских антисоветчиков, антикоммунистов. Среди них — Мерль Фейнсод, научный руководитель Хармстоун, профессор Гарвардского университета, автор объемистого тома «Как управляется Россия», начиненного всевозможными фальсификациями и измышлениями о политической жизни в СССР; профессор того же университета Адам Бромке, один из ведущих «советологов» антисоветского «Русского исследовательского центра» в Гарварде; Курт Лондон, еще в 1937 году выпустивший клеветническую книгу о культуре нашей страны «Семь советских искусств», а ныне возглавляющий «Институт по изучению советско-китайских проблем» при университете Джорджа Вашингтона. В лице Раковской-Хармстоун они нашли послушную ученицу.

Конечно, на клевету в духе бульварной буржуазной прессы она не решается. Она стремится облечь свои клеветнические домыслы в наукообразную форму, продемонстрировать осведомленность, начитанность, информированность, эрудицию — крайне поверхностную! — поразить читателя обилием цитат, ссылок, цифр, имен, внушительностью списка использованной литературы, солидностью указателей и прочим антуражем, который призван создать видимость научной фундаментальности. Раковская-Хармстоун претендует и на энциклопедизм. Она походя затрагивает проблемы древности, средневековья, современности, пытается выступать как экономист и социолог, литературовед и критик, философ и этнограф. Но все это мишура. При чтении книги обнаруживается элементарное невежество автора в трактовке социальной истории народов Востока и в особенности в трактовке социальной психологии, прошлого и настоящего таджиков.

Раковская-Хармстоун нередко упоминает в книге и мое имя, при этом автор бросается из одной крайности в другую: то Гафуров — послушный проводник «политики Москвы», то он ярый националист. Я не считаю нужным касаться этих клеветнических страниц. Но не могу не подтвердить: да, я горжусь всем тем, за что обрушивается на меня разгневанная мадам. Да, я вижу благо в том, что «под влиянием русской революции ведущая часть таджикских трудящихся пробудилась к активной политической деятельности». Да, я призывал и призываю таджиков учить русский язык, язык межнационального общения... Да, я призывал и призываю воспитывать трудящихся всех наших республик в духе советского патриотизма и национальной гордости, разоблачая при этом вредные пережитки прошлого и их носителей. Да, я ратовал и буду ратовать за нерушимую дружбу советских народов, так как всегда видел и вижу в этом залог успехов коммунистического строительства.

В современном мире идут ожесточенные идеологические сражения. Тщетны надежды наших идейных противников затормозить неумолимый ход всемирно-исторического прогресса. Наше многонациональное советское государство, наш могучий добровольный союз советских народов, уверенно идет от одного исторического рубежа к другому. И в этом — объективное веление времени, подтверждение той непреложной истины, что правда истории всегда сильнее любых измышлений наших недругов, идейных врагов.

Я уже упоминал конференцию стран Азии в Дели. Так вот делегаты из многих азиатских стран говорили о том, что в их странах развивается экономика, растет промышленность, имеются определенные сдвиги в области сельского хозяйства, но социально-экономические преобразования в интересах широких масс трудящихся или совсем не проводятся или проводятся в очень незначительной степени. Нищета, голод, неграмотность остаются там жгучими проблемами современности,— речь, конечно, шла не о социалистических странах Азии.

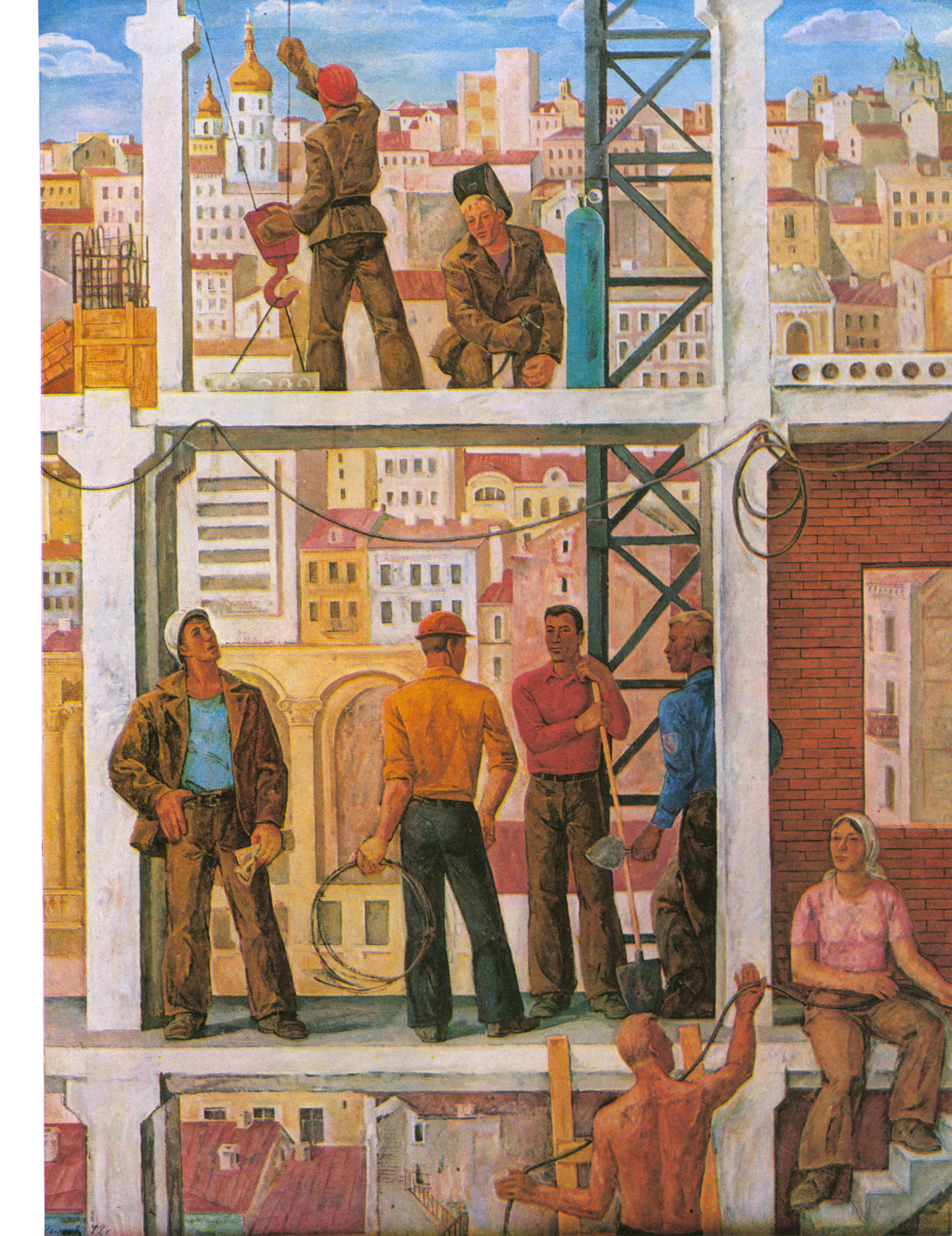
Экономическое развитие должно сочетаться с социальными преобразованиями. И поэтому на конференции внимание широких общественных кругов стран Азии было привлечено к опыту разрешения национального вопроса в Советском Союзе, к нашему опыту ликвидации былой экономической и культурной отсталости бывших окраин царской России.

Каждая советская национальная республика — это действительно маяк социализма для всех народов Востока. Вот почему наши недруги так обрушиваются на национальную политику Коммунистической партии Советского Союза. Ну что ж, на Востоке говорят: «Лишь правдой уваженье обретешь, посеешь ложь — презрение пожнешь»... Тут ничего не добавишь!

Дели — Москва.

В. Реунов (Киев). СТРОИТЕЛИ.

Всесоюзная художественная выставка «СССР — наша Родина».

Ю. Пименов. (Москва). КАФЕ И ДОЖДЬ.

Всесоюзная художественная выставка «СССР — наша Родина».

Мтвариса КЕРЕСЕЛИДЗЕ

Скажи мне, зачем ты расцвел тут,
подснежник,
Что надо тебе тут — в нехоженых далях?
Ты ищешь Тамары обитель, мой нежный?
Что надо тебе в тех нехоженых далях?

В зеленой карете строптивого лета,
Средь этих холмов, под Бетания где-то,
Найдешь ты могилу — там слезы поэта
Ее заполняют и песни поэта...
Так это и будет обитель Тамары.

* * *

— На скале высокой — гордый тур!
Шхурула — стремительный поток.
На скале высокой — гордый тур.
Стадо он покинул — одинок...
Он сбежал из стада. Одинок.
Ждет того, кто также горд...
Шхурула — стремительный поток.
Солнце золотит красавца гор,
На скале высокой — гордый тур.

Я ТЕБЕ СКАЗАЛА «ЗДРАВСТВУЙ» ТОЛЬКО

Я тебе сказала «здравствуй» только,
Что же ты стоишь и смотришь, что же?
Не пойму тебя я толком.
Может, вспомнил ты:
я на кого-нибудь похожа?
Я тебе сказала «здравствуй» только.

МОЕ ОКНО...

Комната моя одна
Смотрится на улицу
Окном.
И когда мечтаю у окна,
Думаю когда я об одном,
Раздается стук в мое окно,
Сердце затревожится. Чего дрожит оно?
Ведь в мою задумчивость, в мое окно
Только постучать тебе дано.

БУДЕТ ЯСНО...

Будет ясной погода, ясною
На рассвете взойдет луна...
Не печалься, такою прекрасною,
Будет солнечной сторона.
Этой ночью погоду неважную
Сменит тихая благодать,
И глазами подснежника влажного
Утру ясному расцветать.
Будет ясной погода, ясною...

Перевел с грузинского
С. ЮРОВ.

Нина ГРУЗДЕВА

* * *

Я через речку,
Да через рожь,
Да по лесочку,
Все напрямик
Пришла наведаться,
Как живешь
Ты, старый друг мой,
Ты, мой лесник.
Да рассказать тебе,
Как живу
Без этой речки,
Без соловья,
Что очень часто
К себе зовут
Малиной пахнущие края.
Еще пришла к тебе,
Мой лесник,
Спросить, когда ты
Опять придешь
Все по лесочку —
Все напрямик,
Да через речку,
Да через рожь?

* * *

Я пó льду шла —
Был тонок лед.
Я мед пила —
Был горек мед.
Ох, мне идти
Нельзя по льдý!
И нет пути,
А все ж пойду!
Ох, мне нельзя
Тот мед не пить —
Твои глаза
Нельзя забыть!
Нельзя, нельзя...
Через нельзя
К твоим глазам
Иду, скользя.
Сорвусь под лед —
Ну, так и быть,
Оставлю мед —
Другой допить.

Евдокия ЛОСЬ

* * *

Сама привержена природе,
чтоб с ней дружили все, хочу.
С травой, с лесами на приволье
я сына говорить учу.
— День добрый, поле!— говорю я.
— День добрый, поле! — крикнет он.
Да скажет: — Гриб, тебя найду я,
подай мне, скажет, лапу, клен!
С ним говорят деревья, реки...
Примите ж в круг своей семьи
его, родимого, навеки,
хоть подголоском, соловьи!

* * *

Там потаенные звезды синели,
крепли березки за низким заплотом...
Там журавлята под тучей звенели,
пробуя силы перед отлетом.

Там была речка — для человечка.
Там был нардом с чудодейной читальней...
Там сладко елась та перепечка,
что наш отец приносил из пекарни.

Но почему я, познавши достаток
и повидавшись с огромнейшим миром,
сердцем тянусь все к мосточкам дощатым
над непролазным уснувшим аиром?
Там обмелели давно перекаты,
сникли березы за старым заплотом...
Только, как некогда, журавлята
в небе позванивают перед отлетом...

* * *

Пропал сынок вечернею порой...
Ищу я там, где белый дым трубой,
где, радость голоштанной детворы,
из высохшей ботвы горят костры...
И поджигатель мой на той земле
печет картошку в золотой золе...

* * *

Перед покосом мурава желтей
и колокольчика милей звоночек...
Я начинаю так жалеть детей,
как будто все они мне — как сыночек...
Они — из одуванчиков венок,
что нашим повтореньем обернется...
Я в даль уйду, а по следам звонок
зазвонит, синий, и весна вернется!..

Перевела с белорусского
С. КУЗНЕЦОВА.

СЛЕД В НАШЕЙ ЖИЗНИ

Уважаемая редакция!
Хотелось бы увидеть на страницах «Огонька» рассказы о тех людях, которые своей трудовой жизнью оставляют след в жизни,— например, совершают открытие в науке, выводят новый сорт винограда или создают проект высотной башни. Ведь в нашей стране очень много людей, биографии которых могут служить прекрасным примером для других...

Инженер Б. Болдов,
Москва.

От редакции. Выполняя просьбу читателя «Огонька», мы открываем на страницах журнала новую рубрику — «След в нашей жизни».

Районный врач, совсем юная девушка, осмотрев больного и сделав назначение, ушла. Но больному становилось все хуже. Его жена в панике, решив, что у него инфаркт, а участковый врач попросту ничего не смыслит, позвонила в поликлинику и разразилась скандалом. Сейчас они уже могут не беспокоиться. Она пригласила на консультацию профессора. У нее лишь единственная просьба: никогда не присылать к ней в дом эту девчонку.

И вдруг эта девчонка заявилась на квартиру больного именно тогда, когда пришел профессор. Разгневанная супруга ахнула от удивления.

— Зачем вы пришли? Кто вас звал?

— Я знаю, вы пожаловались на меня главному врачу. Но все же разрешите присутствовать при осмотре больного...

То, что сказал профессор, для хозяйки дома было полной неожиданностью.

— Ничего не могу добавить к тому, что уже написала моя юная коллега. Диагноз правильный: грипп, — проговорил он, читая историю болезни. — И приняты правильные меры...— Он одобряюще посмотрел на молодого участкового врача.

Врач, с которой поступили столь бесцеремонно, пришла на другой день без всякого вызова: ни тени обиды, ни упрека, будто ничего не случилось. Так начинала она свой путь...

Эту историю я услыхала давно, но теперь казалось, что именно она побудила меня написать об участковом враче.

...И вот я в 67-й поликлинике Советского района, в маленьком кабинете участкового врача Галины Петровны Квашниной. И, вероятно, потому, что лицо Галины Петровны наполовину закрыто маской — в Москве тогда свирепствовал грипп,— глаза ее кажутся строгими. А голос ровный, спокойный, удивительно спокойный голос. Я знаю: Галина Петровна — врач с большим опытом, стажем, и сейчас, глядя на нее, стараюсь предугадать, как сложилась ее медицинская судьба.

Человек сам выбирает себе профессию, а следовательно, определяет свою судьбу. И все-таки бывают разные причуды судьбы. Иногда к профессии ведет не мечта, а случайность или необходимость. Флеминг, открывший пенициллин, хотел стать хирургом. И по смешному, чисто случайному совпадению стал микробиологом. Да и не в том дело, как человек идет к своей профессии. Важно, чтоб она стала призванием, смыслом всей его жизни.

Галина Петровна мечтала стать врачом еще школьницей. Мечтала! Но сколько было сомнений, сможет ли она им стать! Она уже в десятом — и пора проверить себя. А проверить — значит пойти в анатомичку.

Патологоанатом, женщина уже немолодая, серьезно отнеслась к ее просьбе и разрешила присутствовать при вскрытии. «Это вполне разумно, — сказала она,— что ты сама хочешь устроить себе первое испытание. Многие прекрасно сдают вступительные экзамены, а потом навсегда отказываются от медицины, не в силах вынести практических занятий по анатомии».

В том же году Квашнина стала студенткой московского медицинского института. А за несколько месяцев до его окончания странно и вместе с тем очень просто определилась ее судьба. В жизни ее большую роль сыграла районный врач Ольга Алексеевна Толстоухова. Она лечила родителей Гали, потом и саму Галю. Галя попросту выросла на ее глазах. И вот они уже коллеги.

Теперь Галина Петровна смутно помнит тот вечер. Ольга Алексеевна пришла к ним, чтобы кому-то оказать помощь, а может, просто в гости. Потому что для их семьи она уже давно стала не только врачом, но и другом. Галя делилась с ней своими секретами и, смеясь, предупреждала, что врач обязан хранить тайну больного.

— Но ты сама уже без пяти минут врач. И я в конце концов хочу знать: кем же ты станешь?

— Да, я твердо решила: акушером-гинекологом. Рождение новой жизни — что может быть прекраснее!

Но Ольга Алексеевна, казалось, пропустила эти восторженные слова мимо ушей.

— Я почему-то была уверена, что ты станешь терапевтом.

— Терапевтом?! Да я и не думала...

— Напрасно. Ведь терапия — одна из основ медицины. Без терапии не может обойтись ни один врач узкого профиля. Это человек широкого медицинского кругозора, который видит организм больного в целом, который помогает сохранять людям здоровье и бороться с надвигающейся старостью... — Она на минуту замолчала и, улыбаясь, добавила: — Я, кажется, лекцию прочла, а тебе они и в институте надоели.

— Короче, вы предлагаете мне должность участкового врача, предлагаете потонуть в однообразной работе.

— Только от тебя одной будет зависеть, станет ли она однообразной, монотонной. И только от тебя, будешь ли ты в ней тонуть. Я понимаю: работу хирурга принято считать необычной, героической, а терапевта — обыденной. Но это совсем не так. Работа на участке, пожалуй, самая трудная и ответственная. Участковый врач всегда на передовой. Хирургия — это уже несчастный случай. И точный, своевременный диагноз иногда может предотвратить его... Именно участковый врач должен увидеть самые мелкие, самые неприметные признаки болезни, увидеть и все направить в правильное русло... Да, впрочем, что я тебя уговариваю? Ты уже взрослая. Решай сама.

Галина Петровна теперь и понять не может, когда и почему изменилось ее «столь твердое решение». Может быть, потому, что она несколько раз ходила с Ольгой Алексеевной на вызовы. И увидела работу участкового врача и в ее обыденности и в ее величии. А может, попросту еще не знала, не могла определить, что самое главное и интересное для нее в медицине. Это был последний год занятий в институте.

...Институт она окончила в октябре сорок первого года. Шла война. Сколько было пролито слез прошлогодними выпускниками, чтобы только остаться в Москве... Теперь плакали потому, что хотели уехать: кто рвался на фронт, кто в эвакуацию, но только уехать из Москвы, во что бы то ни стало.

Она осталась. И, придя к Ольге Алексеевне, сказала полунасмешливо, полусерьезно:

— Считайте, что вы меня убедили. Я сдаюсь.

— Я так и знала, что ты послушаешь меня.

Ее слушали все. В то время Ольга Алексеевна заведовала терапевтическим отделением поликлиники. И у нее был свой метод воспитания молодых врачей: ни советов, ни наставлений. Она учила их своим примером — отношением к делу, преданностью ему.

С больными, с их родственниками Ольга Алексеевна разговаривала очень спокойно, даже если тон собеседника был резок, а речь возмутительна. Она лишь вздыхала:

— Что поделать, если человек плохо воспитан! Это его беда. И мне остается только пожалеть его.

Она никогда не повышала голос на своих подчиненных. Но в ее мягком, чуть даже умоляющем тоне была такая сила, что никто никогда не мог отказать ей.

Время было трудное. Бомбежки... Вызовы настолько превышали норму, что участковые врачи падали с ног, засыпали на стульях в поликлинике.

...Галя иногда ругала себя: «Дура, дура, никогда не умею за себя постоять». Потом жаловалась Ольге Алексеевне:

— Думаете, обрадовались моему приходу, еще и обругали: «Вызывали утром, а пришла только вечером». И ничего не хотят слушать, ничего нельзя объяснить...

— Не надо ничего объяснять. Ты врач и имеешь дело с больными, а больные всегда раздражительны — это естественно.

...Я приготовилась слушать рассказ о жизни Квашниной, а узнала совершенно о другом человеке. И, как бы понимая мое недоумение, Галина Петровна пояснила:

— Я рассказываю подробно об Ольге Алексеевне, потому что у меня ее школа, и в том, что я проработала в одной поликлинике тридцать лет, тоже ее заслуга. Она всегда говорила: «Никогда не ищите, где лучше, ибо лучше только там, где вы лучше работаете...»

...Два года в ее жизни были военными. Под Курском, в хирургическом госпитале, накладывала гипсы в операционной. Госпиталь стоял в яблоневом саду.

— Теперь, — вздыхает Галина Петровна, — когда вижу цветущий сад, сразу вспоминаю раненых, кровь, стоны. И, как ни странно, думаю о войне, когда в доме особенно тихо.

И снова о своей работе.

— Главное для участкового врача, — объясняет мне Галина Петровна,— активные вызовы. Он не должен ждать, пока его позовет больной. Больной, впрочем, может и не жаловаться ни на что. Более того, он иногда убеждает врача, что абсолютно здоров. Но если у врача остается хоть малейшее сомнение...

Есть люди, которые погружаются в собственные болезни, как в трясину. Прислушиваясь к каждому сигналу организма, они ухо-

Н. ТАРАСЕНКОВА

БЛИЗКИ

дят от активной жизни. Есть и другие, так называемые диссимулянты, которые то ли перед страхом болезни, то ли бравируя: мне, мол, все нипочем, — приуменьшают или вовсе скрывают симптомы заболевания. Как в первом, так и во втором случае все зависит от разумной тактики врача.

Она вспоминает свои первые шаги, как Ольга Алексеевна приучила уделять особое внимание подробным записям в истории болезни. Нельзя полагаться на собственную память, нельзя отметать те мелочи, которые сначала кажутся такими несущественными. Именно благодаря своим тщательным записям она не раз обнаруживала ту самую мелочь, тот самый незначительный симптом, который сигнализировал о серьезной болезни.

— История болезни, — говорит доктор Квашнина, — это топографическая карта для врача, с которой он двигается, чтобы не заблудиться при установлении диагноза. Знаменитый французский ученый и хирург Рене Лериш говорил, что болезнь — это драма в двух актах, из которых первый разыгрывается в угрюмой тишине наших тканей при погашенных огнях. Когда появляется боль или другие неприятные явления, это уже почти всегда второй акт. Увидеть болезнь в «первом акте» подчас удается только врачу с глубокой наблюдательностью, для которого имеет значение все...

Я слушаю Галину Петровну, и мне кажется, что она и есть тот врач, что умеет увидеть болезни в «первом акте».

Это трудно. Но нелегко дать и умный совет. Одному больному можно сказать все откровенно, другому — нельзя. И главное — такт. Без этого врач не врач, со всеми своими знаниями, опытом, интуицией.

...Мы медленно поднимаемся по лестнице. Галина Петровна отдыхает на каждой площадке. Сколько лет по одним и тем же ступенькам, вверх—вниз. Для нее это уже не только ступеньки. Лестница времени! Жизнь каждой семьи накрепко закрыта дверью. Но не для врача. Ему дано видеть жизнь каждого как на ладони. Свадьбы, размолвки, примирения и радость в доме: рождение нового человека...

Для многих она стала больше, чем врач. Своими бедами делились с ней родители, а их дети доверяли ей свои секреты так же, как когда-то доверяли они их Ольге Алексеевне.

Однажды ей пришлось держать совет со школьником, ибо сама она была в полной растерянности и не знала, как лучше поступить. Орловы, муж и жена, уехали отдыхать, оставив в квартире сына и бабушку. И вдруг бабушка заболела пневмонией.

Десятиклассник Игорь в то время готовился к экзаменам на аттестат зрелости. Галина Петровна, обратившись к нему, поймала себя на том, что разговаривает с ним, как с маленьким:

— Игорюша, нам с тобой надо вызвать папу с мамой немедленно...

— Но ведь они только-только уехали. Мама больше года не отдыхала. А этой зимой долго болела, — ответил он.

И тогда Галина Петровна посмотрела на него впервые, как на взрослого и как на очень верного человека.

— А ты сумеешь хорошо ухаживать за бабушкой? С ней сейчас будет много хлопот: готовить еду, вовремя давать лекарство, ставить горчичники.

— Я сделаю все, что вы мне скажете.

И еще раз вдвоем обсудив все «за» и «против», они решили телеграмму родителям не посылать.

Она бывала в доме Орловых ежедневно, следила не только за состоянием больной, но и придирчиво проверяла, как выполнял Игорь все ее указания. А делал он все с такой тщательностью и любовью, что Галина Петровна не побоялась сказать ему:

— Ты сдаешь свой первый экзамен в жизни... Экзамен на прочность.

...Люди доверяли Галине Петровне и как врачу, и как просто отзывчивому человеку, и как депутату Московского Совета. Она внимательно выслушивала истории их жизни, так же внимательно, как записывала истории их болезней. Потому что твердо была убеждена: образ жизни и здоровье человека зависимы.

Иногда ей говорили прямо и жестоко: наши болезни — коммунальная квартира. И она хорошо понимала: это правда.

Но в иных же квартирах чужие люди объединялись в большую дружную семью и о том, чтобы разъехаться, не помышляли. Вот в такую квартиру мы и позвонили. Галина Петровна приходила сюда без всякого вызова. Здесь лежала тяжелобольная. Как и всегда бывает, беда пришла неожиданно. Мария Васильевна и на сердце-то никогда не жаловалась, и вдруг — инфаркт, а через полгода инсульт приковал ее к постели. Тотчас приехала сестра мужа, оставив своих детей, внуков. Но и соседи старались быть полезными. Несчастье объединило всех, живущих под одной крышей. И в доме царил порядок... и общая тревога.

Галина Петровна старается как можно лучше узнать своих пациентов. Всегда спешит к тем, кто небрежно относится к советам врача, полагаясь на собственные интуицию, познания в медицине, всевозможные аналогии... Сколько раз она объясняла людям: нет одинаковых организмов, как нет одинаковых отпечатков пальцев, как нет одинаковых листочков на одном и том же дереве. Человеку всегда кажется, что он прекрасно знает свой организм, и ему свойственно проводить аналогии. А ведь подчас разные болезни имеют сходные проявления.

Галина Петровна Квашнина. Фото Г. Копосова.

Недавно ее срочно вызвали к больному: резкие боли в животе, рвота. Она пришла быстро. И сам больной встретил ее с извинениями:

— Каюсь, Галина Петровна, чувствую себя превосходно, зря потревожил вас.

Осмотрела больного: действительно, пожалуй, нет особых причин для беспокойства, нет и «острого живота». У больного остались лишь слабые болезненные ощущения, и он уверял:

— Видимо, что-то не то съел.

Галина Петровна и сама, ставя диагноз, всегда шла от простого к сложному. Но тут еле уловимые симптомы волновали ее, интуиция подсказывала, что это лишь мнимое благополучие. В действительности же болезненный процесс продолжает развиваться, и может наступить катастрофа. Она не ошиблась. В больнице пациента немедленно прооперировали — флегмонозный аппендицит. Малейшее промедление могло стоить ему жизни.

...Сегодня ее очень волнуют перепады температуры. Недавний сильный мороз сменился оттепелью. А метеорологические условия играют важную роль в заболеваниях коронарных сосудов. Некоторые больные способны предсказать погоду за два-три дня. Такие тяжело переносят и грозовые периоды. В это время даже здоровые люди плохо себя чувствуют, не говоря уже о тех, кто страдает стенокардией, у кого больные легкие. Так называемые «сезоны сердца». В такие дни Галина Петровна волнуется за своих «сердечников». Спешит на вызовы. Но еще больше волнуется, когда они ее слишком долго не вызывают. И идет к ним сама. И тревожится, когда наблюдает, что не все они ведут правильный образ жизни, подчиняются режиму.

— Это самые трудные больные, — сетует она. — Да, врач помогает людям сохранять здоровье, побеждать различные болезни, помогает бороться с надвигающейся старостью. Но врач бессилен что-либо сделать, если человек не хочет помочь себе сам.

...И снова лестница. Галина Петровна машинально поднимается на две ступеньки. Хотя зачем же — лифт! Давно строить начали, а пустили во время ее болезни.

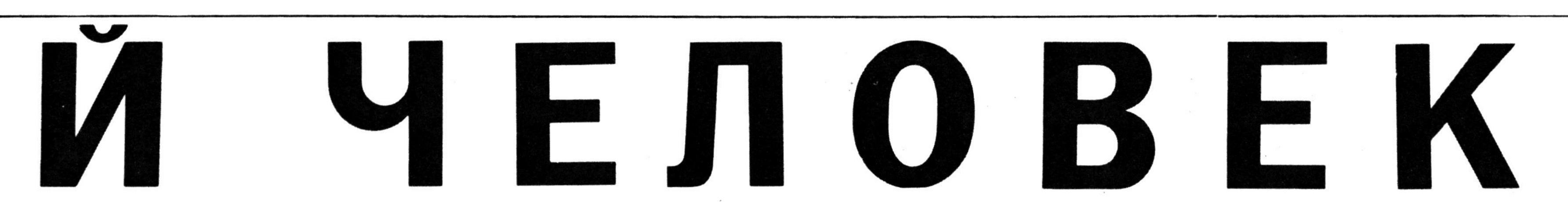
Этим радостным сообщением встречает нас полная женщина, открывая дверь.

— Ой, Галина Петровна, как только у нас в доме лифт заработал, я сразу же о вас подумала. Вы о нашем здоровье заботитесь, но и мы о вас тоже болеем. Я все вам рассказать хотела, хотя это дело прошлое... Года четыре назад, когда вы Героя Социалистического Труда получили, у нас в квартире все заволновались. Все ваши награды вспомнили, а тут еще и Героя присвоили. Думали, заберут у нас Галину Петровну на ответственную работу.

— Так ведь любая работа ответственная, если, конечно, за нее отвечать! — пробует шутить Галина Петровна.

Но женщину уже невозможно остановить:

— У нас просто паника началась. Я одна была против всех. Так и сказала: Героя дают за подвиг и еще Героя дают за преданность людям. А Галина Петровна предана нам столько лет. И потому никуда она от нас не уйдет. Ведь мы уже ей близкими стали, и она для нас близкий человек. Выходит, я оказалась права!

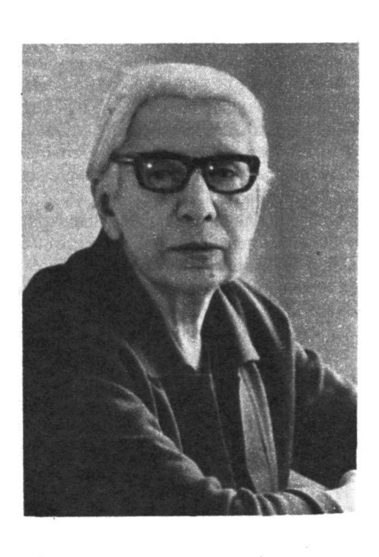

Надежда ЧЕРТОВА

РАССКАЗ

Рисунок И. МИХАЙЛИНА.

СЕДА

В Оренбургской степи нет останову зимним ветрам — летят они в свободном раздолье и, сшибаясь, закручиваются бесовскими вихрями. С особой силой разыгрываются метели в феврале; клокочущая мгла застилает тогда весь белый свет, и кажется, не будет конца-краю дикому завыванию и разбойному посвисту сквозных ветров.

Именно таким был февраль 1961 года, когда я приехала в Оренбуржье, на нашу общую с Лидией Николаевной Сейфуллиной «малую родину». Старшего моего друга и землячки уже не было со мною, но в белом глинобитном домике приютила меня старожилка деревни Утевки, памятной мне по детским годам, Пелагея Александровна, которая, как и Лидия Николаевна, начала учительствовать еще в дореволюционные годы.

Метель гудела без перерыва чуть ли не две недели. И казалось, никогда не кончится слепое бушевание снежной прорвы, что валом валила сверху, с боков и даже взметывалась с земли.

Приходилось терпеливо ждать перемены: ещё по давнему опыту я знала, что рано или поздно над белым, взбудораженным океаном встанет ослепительное солнце и свет его сказочно разольется на всем необъятном просторе.

Такое тихое утро выдалось на исходе февраля. Метель сникла еще ночью, солнце поднялось прямо за окном, и яркое, торжествующее сияние заполнило весь дом. Казалось, нынче не простое воскресенье, а какой-то большой и веселый праздник. Пока я недоуменно прикидывала в памяти числа и даты, по улице промчалась тройка великолепной иссиня-черной масти — коренник шел крупной рысью, пристяжные, картинно отогнув головы, поспевали за ним легким галопом. Дуги, расчесанные гривы лошадей и даже оглобли увиты были лентами и бумажными цветами, в санях торжественно восседали нарядные, румяные от мороза парень и девушка.

— Смотрите, свадьба,— сказала я Пелагее Александровне.

Она пекла на шестке блины и как раз вылила уполовник теста — раскаленная сковородка зашипела, зашкворчала, пар взвился чуть ли не до потолка, мне едва было видно румяное от печного жара лицо старой учительницы, она почему-то посмеивалась.

— Масленицу провожаем... Проводы зимы. А это,— Пелагея Александровна кивнула на окно, и я поняла, что она говорит о вороной тройке,— это только так. Прикидка, пробная пробежка... Видали рысака?

— Хорош! — вырвалось у меня.

— Не то еще увидите,— почти угрозно пообещала Пелагея Александровна, когда мы сели завтракать.

За столом она долго вспоминала обычаи старинной масленицы.

И мне тоже припомнились масленичные картинки моего детства.

Посреди сонной деревенской зимы незаметно наползал и вдруг взрывался этот праздник, полный языческого неистовства, озорной удали, ядреных шуток, а где-то в стародавней древности еще и страха перед всемогущим Ярилой, который в масленицу как раз «встречался» с весною и мог в летнюю пору на славу вырастить хлеб, а мог и сжечь его дотла.

Всю масленую неделю в прежние времена носились по Утевке сытные запахи блинной опары, легкого кизячного дымка и чуть подгоревшего масла. Уже с четверга или того раньше на улице можно было увидеть разукрашенные лентами праздничные тройки и пары. Сани, «выездные», с высокой расписной спинкой или даже простые розвальни, готовые на первом же ухабе вывалить седоков прямо в снег, до отказа набиты бывали молодым, певучим народом и румяной детворой. А в воскресенье подводы бежали впритык друг к другу, и от хмельных песен, казалось, звенел и раскалывался морозный воздух.

— А помните, однако, какие страшные кулачные бои бывали? — спросила я у Пелагеи Александровны.

— Ну, как же! Под вечер хмельные мужики рукава засучивали и тут уж себя не жалели, хлестались без ума. Кое-кто, бывало, и ребер недосчитывался...

— По больнице знаю: увечились,— сказала я, но тут дверь распахнулась, и в кухоньку ворвался мальчонка лет восьми.

— Пелагея Санна! — звонко закричал он.— Дядя Баклан разрешил Седую запрячь. Седую, Пелагея Санна! Се-дую! Вот прокатимся! Я уж подрался, меня обязательно в сани допустят!

— Здо́рово,— серьезно, как взрослому, сказала хозяйка.— А драться зачем?

— Без драки-то не посадят. Все, небось, хотят на Седой покататься.

— Тогда ты совсем молодец!

— А как же! — крикнул мальчишка и через секунду мелькнул в дворовом окне — помчался, видно, к конеферме.

— Соседский это, младшенький, Санятка,— объяснила Пелагея Александровна.— Отец его у меня учился. Не вытерпел парнишка, от полноты чувств прилетел.

Восторг Санятки оказался заразительным: едва допив горячий чай, я так заторопилась со сборами, что не сразу попала ногой в валенок.

Но Пелагея Александровна и не думала спешить, обстоятельно, как всегда, перемывая чашки и тарелки, она между делом удосужилась объяснить, что Баклан — это Бакланов, мужчина гигантского роста, богатырь, можно сказать. Заведует сей великан межколхозной конефермой и лошадь пуще человека любит...

Пелагея Александровна заставила меня одеться как следует и сама поверх шубы укуталась оренбургским платком: предстояло нам весь этот день провести на морозе.

Мы уже выходили из ворот, когда она сказала приглушенно, сквозь платок:

— Седая — наше утевское чудо. Вот вы увидите.

Улица залита была таким светом, отраженно блистающим в каждом малом, затвердевшем на морозе бугорке снега, что в первые мгновения надо было зажмуриваться.

— Настоящий Ярило,— засмеялась я, чувствуя, что губы уже начинают неметь от крепкого холодка.

Площадь быстро заполнялась народом. Люди по-праздничному принарядились. На новенькой тесовой трибуне стояли организаторы праздника, мне сказали, что мысль о проводах зимы зародилась в... местком утевского служилого народа.

«Местком — и Ярило, вот здорово!»— подумала я и тотчас же увидела на трибуне зна-

Памяти Лидии Николаевны Сейфуллиной

комую, плотную фигуру секретаря райкома Усачова.

— Вот он, главный наш зачинщик,— сказала Пелагея Александровна.— Всю неделю по вечерам в школе пропадал с ребятами, всем гамузом готовились к проводам зимы, разное повыдумывали...

Праздник, как и было обещано, открылся ровно в полдень. Усачов коротко пожелал утевцам стопудового урожая, хорошего труда и веселья. После того толпа раздалась, и из дома напротив трибуны с вывеской «Райвоенкомат» понесли укутанных ребятишек, над головенками у которых торчали маски зайчиков, лисичек, петушков. Ребятишек подали на трибуну, кто-то из них, едва видный на возвышении, пропищал стишок о зиме и елочке, потом детишки хором, старательно, хоть и вразброд пропели песенку.

Тонкие голоса слабо и нежно прозвучали в застылом воздухе, зрители хлопали, но звук получался тупой из-за толстых рукавиц, оберегавших руки людей от холода.

Громовой голос распорядителя — трибуна была радиофицирована — предложил «расчистить проезжую часть». Толпа послушно раскололась, нас с Пелагеей Александровной с неприметной деликатностью продвинули в первый ряд, и тут только видно стало, что середина улицы прочищена, должно быть, мощным трактором. Дощечка на аккуратном столбике большими буквами возвещала: «Для пешеходов».

На трибуне взмахнули красным флажком, и все, как по команде, повернули головы к въезду на главную улицу. Оттуда зачиналась масленичная процессия — на широком белом просторе затемнело пятно, оно медленно продвигалось к площади. В толпе перекатывался смех и громкий говор:

— Никак быка запрягли?

— Смотрите, смотрите... на ногах-то у него порты!

— А с ним в паре — Васена.

— С дымом едут!

По улице и в самом деле брела несуразная пара — старый, костистый бык в черных штанах и рыжая совсем уж древняя кобыла Васена. Она шагала, дремотно опустив голову, безразличная ко всему на свете.

Задняя стена фургона открывала внутренность старинной крестьянской избы. Топилась печь, баба в овчинной шубенке, обвязанная шалью, пекла всамделишные блины и зазывала тонким голосом:

— Свеженькие! Покушайте блинков! Масленые! С кислым молоком! Гривну за штуку! По дешевке!

Лицо у стряпухи было необыкновенно важное, в руках она держала большое деревянное блюдо. А за столом, на котором высилась стопка блинов, сидел «старик» с бородой из пакли. На морозе он разрумянился, но светлые мальчишечьи глаза были мрачны, наверное, от артистического усердия.

Возле фургона и позади него двигались женщины, они приплясывали, метя снег сбористыми юбками, и пели, протяжно выводя по одному слову, а то и по одному слогу: так полагалось петь старинные песни, песни стона и редко выпадавшего, но безудержно отчаянного веселья. Лица у женщин в легком хмельном румянце были словно бы заполошными, точь-в-точь как у баб-песенниц в старой Утевке.

Са-до-вый со-кол, воль-ная пта-а-ашечка,
Ты куды, сокол, летишь, ку-у-ды ду-у-ма-ешь...

Подвода свернула с дороги, народ потеснился, пропуская песенниц, и в этой веселой сумятице меня отнесло в сторону. Уже издали я услышала, как дружно, словно бы в восторженном изумлении, закричали в толпе. В тот же момент по дороге бесшумно промчалась, гордо неся голову с развевающейся, до неправдоподобия светлой гривой и тонко трепещущими ноздрями, стройная, сильная, хоть и невысокая лошадь. Словно видение исчезла она в серебристой снежной пыли. Что это такое было? Может, от инея круп лошади казался белым? Но откуда взяться инею в такой-то бешеной скачке?

— Чего запропала?— приближаясь ко мне, с укором сказала Пелагея Александровна.— Это ведь Седая прошла.

— Седая?!

Пелагее Александровне пришлось крепко ухватить меня за полу шубы.

— Ку-уда? Она еще один круг пройдет... Здесь постоим.

Вокруг шумела и смеялась толпа, доносились обрывки протяжной песни, рядом кто-то внушительно проговорил:

— Надо, надо такие веселья устраивать... Быкам — и тем ботала на шею вешают. Ходит бык по степи, ботало блямкает, и нет унылости никакой. А людям и вовсе требуется праздник.

Я оглянулась и встретилась с лукавым взглядом деда Комбатана, бывшего солдата царской армии, воевавшего в рядах экспедиционного корпуса во Франции. Он поклонился, притронувшись к малахаю, в этом жесте мельком увиделось мне некое немужицкое изящество.

Но ни о чем я не могла сейчас думать, кроме как о Седой.

По белой дороге двигалась, звеня бубенцами, яркая, разукрашенная санная вереница: ее возглавила тройка, чьей поклажей был увесистый мешок с надписью «100 пудов» и сноп наливной пшеницы. За ней пегая разгоряченная пара промчала макет космической ракеты «Земля — Венера». Потом в расписных санях с пышным караваем в руках и деревянной солонкой проехала смущенная, очень красивая девушка. На тачанке со своим неразлучным Петькой и пулеметчицей Анкой проскакал Чапаев...

Праздничный обоз свернул в боковую улицу, и я поняла, что сейчас снова появится Седая: ей с легким, летящим ее бегом требовался широченный простор.

Толпа сбилась к обочине дороги и заметно притихла.

— Идет!— крикнули с трибуны.

Мне почудился голос Усачова. «Э, да ты еще и лошадник!»— мелькнула догадка, и тотчас я увидела Седую.

Казалось, она и вправду летела, по-лебединому, горделиво неся голову и высоко выбрасывая точеные ноги. Нет, не белой она была: какой-то чалый отсвет разливался по ее слегка запотевшему крупу. Едва уловимый отсвет этот угадывался в гриве, в развевающемся хвосте... Недаром же звали ее Седая! Глаз у нее был огненный, и под «сединой» билось, бушевало пламя! Ни один бумажный цветок, ни одна самая тоненькая лента не украшали ни легких санок, ни дуги, ни лошади — это ей не требовалось.

Она пронеслась, и снова наступила пауза, как будто после Седой не сразу решались ступить на ту же дорогу нарядные одиночки, пары и тройки.

Но вот, овеваемые поземкой, снова проскакали мимо трибуны — и девушка с караваем, и стопудовый мешок, и ракета...

Я видела их и не видела: перед глазами, как прекрасный призрак, стояла — нет, не стояла, а летела Седая. Захотелось домой, я потянула Пелагею Александровну за рукав шубы, но она сказала:

— А жюри?

На трибуне, оказывается, были члены жюри, и там шел жаркий спор, наверное, о премиях. Настоятельно говорил что-то Усачов, с ним, видно, не соглашались. Среди спорщиков был и райкомовский шофер, за спиной у него возвышался солидный, полноватый мужчина в полушубке с белой опушкой.

— Директор конезавода,— сообщила Пелагея Александровна.— В райкоме не так давно лошадиный вопрос разбирали.

Она проговорила еще что-то, совсем уж неразборчивое, и приметно передернула плечами: мороз начал донимать и ее.

А праздник все шумел на улицах. Бойко мчались подводы, набитые детворой, там, наверное, блаженствовал и драчун Санятка. Народ ждал, каково будет решение жюри. Нам с Пелагеей Александровной ждать стало невмоготу, мы двинулись домой и очень скоро очутились в спасительном тепле голландки. Протянув ноги к нагретым кирпичам, я стала расспрашивать Пелагею Александровну, какой это лошадиный вопрос решали в райкоме.

— Да насчет Седой,— ответила она, потирая маленькие озябшие ручки.— Ивана Степаныча, директора конезавода, вы не знаете? А я не помню Утевки без конезавода да без этого директора, без Ивана Степаныча...

— Конезавод в бывшем барском имении?— спросила я.

— Да, все там же.

Пелагея Александровна помолчала, словно собираясь с мыслями. За окнами с посвистом и суматошным звоном бубенцов пронеслась тройка — в санях тесной кучей сидели парни и девушки.

— Пусть их... нечасто веселятся,— сказала Пелагея Александровна словно бы про себя, но в глазах ее исподволь разгоралась добрая, слегка грустная улыбка.

— Не знаю, как вы,— задумчиво проговорила она,— а я больше всего на свете того человека люблю, который всю жизнь одною страстью живет. Вот муж покойный вспомнился. Агроном он у меня был. Но дело не в том — агрономов на свете много. А мой-то землю любил особенно, и вот как понимал ее! Идет, бывало, по полю... не знаю, как сказать,— хозяин идет или сын. Поле словно книгу читал. Не думала, что без него доживать буду. И дружок он был Ивану Степанычу. А Иван Степаныч тоже человек одной страсти, только страсть-то у него другая: конь...

Она позвала меня к столу, и за неторопливым ужином продолжился разговор о «лошадином вопросе».

— Тут у нас межколхозные бега были,— начала свой рассказ Пелагея Александровна,— Бакланову за его Седую первый приз присудили. Иван Степаныч увидел Седую и в ту же минуту «с катушек съехал». Прилепился к Седой, всю ее разглядел, общупал, обгладил, чуть не на ухо лошадке что-то шептал... Конечно, он уже как бы видел ее на своем конезаводе. Но Бакланов — тоже на всю жизнь лошадник! Сшиблись они, поспорили, разругались на чем свет стоит и вопрос перенесли в райком. Там тоже битва была.— Пелагея Александровна всплеснула ладошками.— Прямо пыль столбом. Бакланов уперся намертво: что хотите со мной делайте, не отдам Седую — и все. А директор пыл-то хитро пригасил и этак с холодной деловитостью выложил свои доводы. Начал с того, что Седая-то, по существу,

заводское «дите», от заводского производителя повелась. А уж если из жеребеночка отличная лошадь получилась, значит, и выучку ее надо на правильную основу ставить. И потомство от кобылы надобно получить улучшенное — есть ведь брачок у Седой: недостает ей росту. «Я ее с орловским рысаком скрещу»,— пообещал Иван Степанович. И на прибавку еще преподнес: какой, мол, наездник из Бакланова? Да при его-то тяжелых мясах недолго и вовсе лошадь сгубить!

— И что же Бакланов?— заторопилась спросить я.

— А вы лучше спросите: что Усачов?— сказала Пелагея Александровна.— Бакланов одно бубнит про свою Седую: «Она мне как дите». Когда же директор насчет рысака заикнулся, сказал прямо-таки с отчаянием: «А орловца ты все равно мне предоставишь». И еще про мальчонку какого-то буркнул: готовлю, мол, жокея. Но тут такое дело...— Пелагея Александровна живо покрутила ладошкой возле виска.— Бакланов, конечно, не мог не уразуметь, что директор кругом прав. И когда обвинил супротивника, что тот занял антигосударственную позицию, тоже был прав. Тут уж нетрудно представить, с каким отчаянием, с какой надеждой этот здоровенный человечище уставился на Усачова: ведь последнее слово должен секретарь сказать. И, знаете, не поднялась на Бакланова рука у нашего Григорича: закрыл он обсуждение, и все по-прежнему осталось... Видите, какой непростой он, лошадиный вопрос.

Пелагея Александровна замолкла, некоторое время мы сидели в тишине, потом хозяйка моя поднялась, включила свет и вернулась на прежнее место. Праздничные шумы на улице стихали, вечер опускался на деревню. При электрическом свете стало видно, что окна затянуло морозными узорами, почему-то похожими на пальмовые ветви. Я смотрела на тончайший морозный рисунок и медлительно, звено за звеном вспоминала горестную историю другой лошади, которая звалась Дымкой. Воспоминания были необыкновенно тягостны, и я решилась для облегчения рассказать Пелагее Александровне историю Дымки.

Это была история гибели необыкновенно прекрасного живого существа: судьба Дымки перемололась в самый первый, путаный, шумный год коллективизации.

Крутое тогда было время — деревни, большие и малые, выселки, хутора кипели в долгих сходах, в криках, спорах, бабьих воплях. На широких, по-весеннему просторных улицах днем и ночью толклись и метались, будто основу сновали, встревоженные людские стаи. Иные целыми семьями, с младенцами и стариками, снимались с насиженного дедами гнезда, перекрещивали досками окна, двери и уезжали неведомо куда. Молодой колхоз то подымался, шатаясь на корню, то дочиста разваливался. Молодежь на посиделках пела яростные частушки:

Вы сидите, мои гости,
Я индюшку заколю.
Ты не плачь, моя индюшка,
Я напрасно говорю.

Только не индюшек истребляли в крестьянских дворах смутным ночным часом — иной хозяин, наслушавшись всякой всячины, в отчаянии, в тоске, в злых слезах валил обухом топора кормилицу Буренку, чтобы только не вести ее на общий колхозный двор. Семья до отвращения насыщалась, можно сказать, давилась мясом, которое было не к месту и не ко времени, раз уж надвигалась весна...

В таком отчаянном коловращении жила и небольшая деревенька Дубовка, что когда-то сложилась из кулацких отрубов и крепко сидела на чистом, жирном черноземе. Именно в этой деревеньке, во дворе одного из зажиточных крестьян, красовалась молоденькая кобыла Дымка, известная своею статью на всю округу. Дубовка долго стояла, как неприступная крепость,— агитаторы, самые искусные и настойчивые, не сумели получить там ни одного голоса за колхоз: люди молча выслушивали очередной доклад и молча же расходились. Про Дубовку стали говорить: вот, дескать, умно́ живут. Но вдруг — удивительное дело! — молоденький агитатор, которого дубовцы, казалось бы, и на сход-то могли не допустить, привез протокольное решение о том, что в с я Дубовка объявляет себя колхозом.

Пока удачливый агитатор важничал и возносился, рассказывая, как удалось ему совершить подобное чудо, Дубовка в первую же свою «колхозную» ночь подожгла деревню со всеми избами, подворьями, скотными сараями и разбежалась куда глаза глядят. Только на коней у дубовцев не поднялась рука: нахлестали они целый табун и угнали в ночную степь. К утру испуганные, обезумевшие лошади примчались в Утевку.

Неизвестно, к чьему двору прибилась Дымка, только новый ее хозяин, конечно же, обратал лебединую шею лошади самой худой, размочаленной веревкой и повел на колхозный двор. В суете едва ли бросилась ему в глаза особенная, гордая стать Дымки и еще то, что кобылка была жерёбой... .

Но колхоз все-таки утвердился в Утевке. Весной, когда подошли строгие хлеборобские сроки, трое мужичков, назначенных председателем ехать с зерном на мельницу, живо высмотрели на скотном дворе чужую, ничейную лошадку (своих-то, да и соседских они по весенней грязище пожалели запрягать в тяжелый воз). Сберегая обувку, трое седоков взгромоздились на телегу. Дымка взяла с места порывисто, как будто не воз ей надо было тащить, а скакать на приз. Так, рысцой, примчала она воз и мужиков к мельнице, и там пришлось ей простоять в оглоблях несколько часов. Никто и не подумал задать ей корму. В обратный же путь не под горку пришлось кобылке тащить тяжелый воз, а карабкаться по крутому, ослизлому склону. Мужики, правда, сошли с телеги, но кнута им так и не пришлось взять: лошадка, выгибаясь от натуги, все тою же широкой рысцой взяла подъем, а добежав до колхозного двора, упала и скинула мертвого жеребенка.

Новая, еще большая беда обрушилась на Дымку уже белой, метельной зимою. Ее запрягли в сани, на этот раз негруженые, но бежать ей пришлось более полусотни верст, до города. На обратном пути утевцы заплутались в белой вихревой степи. Опрокинув сани, они спокойно проспали ночь в своих овчинных тулупах, подумать же о Дымке заленились, и утром пришлось ее откапывать: лошадь стояла по уши в снегу. Решив, навер-

М. А. Шолохов и Мартти Ларни. (Фото из личного архива М. Ларни.)

Юрий КОРНИЛОВ

В ГОСТЯХ У МАРТТИ ЛАРНИ

— О, вы кстати!— Мартти Ларни, высокий, седой, с лучистыми, совсем молодыми глазами.— Садитесь, садитесь. Виола, где кофе?

Человек, впервые попавший в эту голубую гостиную, украшенную грузинской чеканкой по меди и полотнами современных финских художников, мог бы, пожалуй, почувствовать себя несколько скованно, если бы не искреннее радушие и гостеприимство хозяина. Я, правда, не понял, почему наш визит к известному писателю, загруженному множеством литературных и общественных дел, так уж «кстати», но не счел удобным это уточнять. Через пять минут мы с моим коллегой, корреспондентом ТАСС в Хельсинки Войто Лескиненом, уже сидели за столом, пили крепкий кофе, сваренный женой Ларни, белокурой Виолой, и писатель с живым интересом расспрашивал меня о московских новостях. Потом спохватился:

— Мы, кажется, поменялись ролями — ведь это я должен давать интервью... Какие у вас вопросы?

— Хотя с тех пор, как ваши книги «Прекрасная свинарка», «Четвертый позвонок» и другие были изданы в СССР, прошло уже несколько лет, они и сейчас очень популярны у советских читателей. Многие из них наверняка хотели бы знать, над чем вы работаете.

— В Финляндии только что вышла в свет сатирическая повесть «Сократ в Хельсинки» — моя восемнадцатая по счету книга. Восемнадцать — число не юбилейное, оно не дает повода для бенефисов, тем не менее эту по-

весть, а лучше сказать, памфлет-сказку мне хотелось бы выделить среди других произведений. Не поймите меня так, что я считаю новую повесть лучше прочих,— суждение об этом вынесет читатель. Все дело в том, что я попытался вложить в эту книгу мысли, которые давно уже не дают мне покоя при взгляде на наш мир, полный проблем...

— Каково же вкратце содержание повести?

— Вкратце? Знаете, я против «покет-буков», придуманных американцами, которые даже «Войну и мир» пытаются «умять» в пять — десять страничек, дабы занятой джентльмен мог познакомиться с романом между двумя остановками в вагоне подземки. Но ваш вопрос извинителен: «Сократ в Хельсинки» не переведен на другие языки, а финский язык, по слухам, не легче для изучения, чем русский. Итак, в чем содержание повести? Молодой солдат-финн, погибший в 1944 году, возносится на небо, где и встречается с Сократом, древнегреческим философом и мудрецом. Этим полным сил мужчинам скучновато в ведомстве святого Петра, и они решают совершить вояж на Землю, в Хельсинки.

Сами понимаете, человек, перенесшийся из Древней Греции в наш современный мир, только успевает рот раскрывать от изумления. В таком положении и оказывается Сократ. Он видит множество чудес: движущиеся дома — автомобили, дома летающие — самолеты, людей, как бы живущих на полотне — кино. Он потрясен, но чем больше присматривается он к окружающему, тем больше убеждается, что все изобретения человеческого гения отнюдь не сделали самого человека счастливее. В «говорящих листах» — газетах — пишут про войну, сражения и убийства. В кино показывают, как бомбы и снаряды уничтожают целые города. Говорящий ящик — радио — тоже вещает о насилии. «Когда же наконец человек поймет, что только мир приносит счастье?»—вопрошает Сократ. А когда он вместе со своим другом-финном собирается возвращаться на небеса, к ним хочет присоединиться молодая красивая девушка. «Мы не возьмем тебя с собой: для вас, молодых, так много дел на Земле!» — говорит ей Сократ.

— Мы прочтем эту повесть на русском языке?

— Частично она была опубликована в 1968 году в «Библиотечке «Огонька». Прочтете ли вы памфлет целиком — не знаю, это — дело советских издательств, но, насколько мне известно, некоторых героев повести вы сможете увидеть на экране. Дело в том, что объединение «Товарищ» студии «Мосфильм» завершает работу над сценарием фильма «Райские яблочки» по мотивам моих произведений. Автор сценария и режиссер-постановщик — Георгий Щукин, с которым мы, кстати, встречались минувшим летом специально для того, чтобы вместе наметить канву будущего фильма.

— Что вы могли бы сказать о современной финской литературе?

— Наша литература, подарившая миру «Калевалу», и сейчас не бедна талантами. Я мог бы назвать таких, скажем, писателей, как Вяйне Линна, автор повести «Здесь, под северной звездой», знакомой советскому читателю, Мика Валтари, Матти Хялли и другие. Их произведения — это сама жизнь.

Но многие финские литераторы, как, впрочем, и литераторы других западных стран, не смогли устоять перед мутной волной, которая в последние годы захлестывает литературно-издательский мир. На днях у меня брала интервью представительница «Ме Найсет», финского женского журнала. Мы разговорились о литературе, и она метко заметила, что после прочтения иных ультрамодных произведений хочется принять душ или по крайней мере вымыть руки. Верно. Не воспримите эти слова как брюзжание этакого старого моралиста. Я никогда не принадлежал к людям, которые смотрят на проблемы любви и секса глазами престарелой настоятельницы монастыря. Но я убежден, что писатель, берущийся за эти проблемы, должен, как минимум, обладать тактом и чувством меры. А что можно сказать, если под видом любви вам преподносят садизм, разврат и откровенную порнографию?

Это явление, как и все на свете, конечно же, имеет свои причины. Одна из них в том, что издательское дело на Западе поставлено иначе, чем у вас: писателю, особенно молодому, чрезвычайно трудно пробиться на литературный рынок, и если его повесть выпущена тиражом в 5—6 тысяч экземпляров — это уже огромная удача. Вот кое-кто из литераторов и старается выдать на-гора́ нечто такое, что ошарашило бы и издателя и читателя и стало бы сенсацией: ведь любая сенсация, даже сомнительная,— это путь к известности. «Плохой колокол лучше слышен»,— гласит старая финская пословица. В результате книжный рынок завален порнографией или в лучшем случае так называемым «вагонным чтивом», и в то же время ощущается острая нехватка глубоких произведений, отражающих современные социальные проблемы...

— Вы много путешествуете, Мартти. Есть какие-нибудь новые планы на этот счет?

— Пока нет. Недавно мне привелось побывать в Израиле. Об этой поездке, стоящей особняком от других, не буду рассказывать: советский читатель, видимо, знает о ней из моих репортажей, опубликованных недавно «Литературной газетой». Но если бы мне сказали, что вот сейчас, сию минуту, на этом столе окажется авиационный билет в любой пункт мира, и спросили бы, на какой самолет я хотел бы попасть, я бы, конечно, ответил: на самолет Аэрофлота, следующий в Москву!

И дело тут не в самой Москве как городе, хотя это, несомненно, прекрасный и великий город. Дело в том, что с Москвой, с Советским Союзом меня накрепко связывают многочисленные дружеские и творческие нити. Среди тех, кого я с гордостью могу назвать своим другом,— Михаил Шолохов, человек высокого и неповторимого таланта. Взгляните на эту фотографию: мы сняты с Михаилом Александровичем здесь, в этой голубой гостиной, и этот снимок я храню, как особенно дорогую для меня реликвию. Среди моих советских друзей — Максим Танк, Николай Грибачев, Афанасий Салынский, замечательные грузинские чеканщики, художники Москвы, Ленинграда... Добавлю, что, когда я говорю о дружбе, я вовсе не имею в виду, что мы во всем придерживаемся абсолютно одинаковых взглядов. Недавно, например, отдыхая в Сочи с Николаем Грибачевым, мы вели с ним многочасовые дискуссии по различным литературным проблемам. Может быть, это прозвучит парадоксально, но именно несхожесть мнений по ряду проблем сделала для меня нашу дружбу еще содержательнее, интереснее, дороже. Недаром в самом деле сказано: если два человека во всем придерживаются одинаковых точек зрения, один из них — лишний...

— Еще вопрос, Мартти: что это за короб с письмами в вашей гостиной?

— Ну, наконец-то вы проявили столь необходимую репортеру зоркость. Я ждал этого вопроса и недаром, увидев вас, сказал, что вы явились в этот дом весьма кстати. Это письма из СССР. Их сотни. Украинские школьники приглашают в гости, из Армении сообщают, что по моей книге «Четвертый позвонок» поставлена оперетта на сцене рабочего клуба, студенты Ростовского университета высказывают свое мнение о повести «Уважаемые бедняки», опубликованной в журнале «Дон», а москвич Леонид Черепов интересуется, не собираюсь ли я переводить на финский язык стихи Есенина. Я покривил бы душой, если бы сказал, что не горжусь такой массой читательских откликов и не радуюсь, как школьник, каждому письму. Но вот что меня мучает: писем так много, что даже если бы я совсем забросил литературную деятельность, мне и тогда, пожалуй, не хватило бы времени, чтобы обстоятельно ответить на них. Вот мне и хочется, пользуясь вашим визитом, ответить моим корреспондентам через «Огонек». Можно?

— Конечно, Мартти, диктуйте.

— Дорогие советские друзья! В своей жизни я написал несколько киносценариев, три сатирических повести и даже сборник стихов. И только один жанр никогда мне не удавался — эпистолярный. Поэтому простите, дорогие мои советские корреспонденты, если этот ответ вам получится не совсем складным, зато он искренен. В каждом почтовом конверте, приходящем из СССР, как бы горит огонек, который греет сердце. Я счастлив, что в вашей великой стране у меня так много читателей и друзей. От всей души желаю каждому из вас успехов и счастья, большого и светлого, как солнце.

Хельсинки — Москва, февраль.

ное, разогреть Дымку, ее немилосердно гнали до самой Утевки, а потом в суете забыли на скотном дворе, потную, голодную... Дымка вся покрылась тонким слоем льда и, когда, наконец, ее распрягли, рухнула наземь. После этого кобыла провисела на вожжах до самой весны — тут-то и выперло у нее хребет, и стала она вроде как горбатой, а на высоких, стройных ногах взбухли ревматические узлы...

Вот такой, калечной, и увидела я Дымку и проехала на ней десятка полтора километров, до самого пепелища Дубовки, где уже лепилась, понемногу отстраивалась новая, колхозная деревня.

Сначала я не могла понять, что это за лошадь мне попалась: в оглоблях она не скакала, а как-то неловко прыгала, странно и, я бы сказала, страшно напоминая детскую деревянную лошадку. Удивительнее и непонятнее всего было усердие, сохранившееся в больной Дымке. На все горки она выносила телегу непременно рысью, при этом отчетливо слышался не то скрип, не то хруст ее ревматических костей. Тут-то возчик, пожилой, хмурый колхозник, и рассказал мне ее историю и прибавил, что в прежние времена довелось ему батрачить в Дубовке, почему он и признал Дымку, когда увидел ее, перепуганную и одичавшую, на колхозном дворе...

— Живуща́я,— помнится, пробормотал он, рассеянно шевеля вожжами: понукать Дымку не требовалось, хотя и была она полумертвая...

На том наконец-то и затих, смолк наш вечерний разговор в беленьком доме учительницы. Погасив свет, мы еще долго лежали в тишайшей тьме, не тревожа друг друга.

Какой же долгий путь, думалось мне, долгий, пестрый, с крутыми извилинами, с горькими отступлениями и трудными рывками, отделял времена Дымки от нынешних дней, от сказочной скакуньи Седой!

Просто немыслимо было поставить рядом тех «колхозных» мужичков, что искалечили кровную Дымку, и Бакланова, вырастившего рысистую Седую, словно малое дитя человеческое! А ведь в колхозных конюшнях у Бакланова никогда не стояла своя собственная лошадь, оторванная от семьи с болью и кровью неописуемой. Значит, любовь Бакланова, лучше сказать, страсть его к лошадям несет в себе совсем иные свойства, нажитые долгими годами труда.

А те давние, черствые мужики, первые колхозники... Едва только привиделись они мне, как сердце защемило, и, как живая, встала передо мною Лидия Сейфуллина...

Жить и учительствовать пришлось ей за тридевять земель от города, в глухой мордовской деревушке Карайгир. Может быть, жила она в таком же белом домике, и в такую же тихую, как бы усмиренную после метели ночь, не раз маялась в трудном, в одиноком раздумье. Отлично, до тонкости знала она прежнего крестьянина, жившего на степной земле более полувека назад,— каждый его шаг и каждое движение души безошибочно ею угадывались.

Если б довелось ей узнать историю Дымки, она, наверное, сказала бы со своей умной, горьковатой усмешкой:

«Что же вы хотите — люди те только назывались колхозниками. А, по сути, стояли еще на трех китах привычной своей жизни: своя изба, своя пашня, ну и баба своя. Сырые, еще не промятые мужички...»

ЗНАКОМЬТЕСЬ — НОВЫЕ ИЛЫ!

Алексей ГОЛИКОВ

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Специальные корреспонденты «Огонька»

Пассажиров просят пройти в самолет на посадку!

Поднимаемся по трапу и попадаем в просторный вестибюль с ровными рядами стеллажей, в гнездах которых стоят чемоданы. Нам объясняют: это нижняя палуба воздушного корабля, где пассажиры оставляют свой багаж. Отсюда удобная лестница ведет на вторую палубу, в просторный салон шириною более шести метров. Огромный лайнер имеет три таких салона, в которых с комфортом разместятся 350 пассажиров. Здесь им удобно, а главное, не тесно.

Мы усаживаемся в кресла и... никуда не летим. Наш «самолет» — это один отсек нового воздушного гиганта «ИЛ-86», сделанный в натуральную величину. Над проектом лайнера работает конструкторское бюро, которым многие годы руководил академик Сергей Владимирович Ильюшин.

В последнее время реактивные пассажирские самолеты условно стали делить на поколения. К первому поколению относят турбовинтовые и турбореактивные машины. Ко второму — самолеты с более мощными и экономичными двухконтурными двигателями, расположенными чаще всего на кормовой части фюзеляжа. В обоих поколениях самолеты С. В. Ильюшина — ИЛы — достойно представлены. Турбовинтовой «ИЛ-18» — один из самых экономичных самолетов первого поколения. Во втором поколении отлично зарекомендовал себя всепогодный, межконтинентальный лайнер «ИЛ-62». Его по праву называют флагманом Аэрофлота. Он на авиалиниях Чехословакии, ГДР, Польши.

Сейчас прославленным конструкторским бюро руководит Генеральный конструктор, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии Генрих Васильевич Новожилов.

— Почти четверть века назад я пришел сюда после окончания института, — рассказывает Генрих Васильевич. — Многие годы работал непосредственно под руководством Сергея Владимировича Ильюшина, который и сейчас часто бывает в бюро... В трудных вопросах он наш главный советчик и строгий судья.

«ИЛ-86» будет представителем третьего поколения реактивных самолетов — широкофюзеляжных. Такой огромный самолет позволяет не только перевозить много пассажиров, но и упростить, ускорить их обслуживание. Багаж здесь — вы же видели — можно взять с собой. Мы проводили испытание на макете: посадка 350 человек в наш аэробус занимает не более 20—25 минут. Не исключено, что и билеты будут продаваться тут же, на борту самолета.

— А пассажиры не перепутают багаж?

— Это мы тоже предусмотрели: гнездо для чемодана на стеллаже имеет тот же номер, что и кресло пассажира. Бортпроводница поможет поставить вещи на соответствующее место, а при выходе из самолета быстро найти их.

— А если чемоданы тяжелые и брать их с собой трудно?

— Тогда можно сдать багаж на аэровокзале обычным порядком. «ИЛ-86» имеет специальные места и для багажных контейнеров.

Самолеты-гиганты Аэрофлот ждет с нетерпением. Стоимость перевозки пассажиров на них будет значительно ниже, чем на самолетах первого и второго поколений. Скорость «ИЛ-86» — 950 километров в час, но на авиалиниях средней дальности (2—2,5 тысячи километров) он сможет конкурировать с лайнерами, имеющими вдвое большую скорость.

Особенно нужен «ИЛ-86» перегруженным аэропортам. Например, в разгар курортного сезона аэропорт Адлер принимает в час около тридцати самолетов. Количество же здравниц в этой курортной зоне с каждым годом возрастает. Аэробус, заменив почти три обычных лайнера, поможет разгрузить курортный авиаузел.

— А не вытеснят ли сверхзвуковые пассажирские самолеты сегодняшние, дозвуковые?

— Нет, уверен, что дозвуковые широкофюзеляжные самолеты еще многие годы будут добросовестными тружениками неба. Они и сверхзвуковые лайнеры как бы дополняют друг друга в воздушных перевозках.

Рядом с огромным макетом «ИЛ-86» стоят модели других новых самолетов. Одни маленькие, весом в два-три килограмма, а другие весьма внушительные — в несколько тонн.

Генрих Васильевич показывает нам некоторые из моделей, объясняет назначение установленных на них приборов.

— Без этого цеха, — говорит Генеральный конструктор, — нельзя создать самолет. Здесь он рождается. И именно сюда приходишь на первое свидание с «замыслом», воплощенным в модель.

Каждому новому самолету предшествует целая серия моделей. Идет поиск наилучшей формы будущей машины, исследуется в аэродинамических трубах динамика ее полета. Постройка моделей требует большого мастерства и сложных инженерных расчетов. Этим у нас занимаются такие многоопытные и талантливые конструкторы, как Иван Васильевич Жуков, Евгений Константинович Бесядовский, Валентин Васильевич Кораблев... Наши умельцы, мастера «золотые руки» — братья Василий Григорьевич и Борис Григорьевич Лобазновы, Алексей Петрович Фролов, Константин Иванович Котов, начальник цеха моделей Леонид Иванович Рыбаков и многие другие по чертежам создают модели точных и строгих форм.

Наше внимание привлекла одна из моделей, и мы поинтересовались:

— Каково назначение самолета, который будет создан по этой модели?

— Почему будет, он уже существует, — улыбается Генрих Васильевич. — Это первый в нашей практике реактивный грузовой самолет «ИЛ-76», предназначенный для Аэрофлота.

Ночная посадка самолета «ИЛ-62 М». В аэропорту Шереметьево.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Перед взлетом. В пилотской кабине самолета «ИЛ-62 М». Летчик-испытатель 1-го класса А. М. Тюрюмин (слева) и Герой Советского Союза, Заслуженный летчик-испытатель СССР Э. И. Кузнецов.

Сейчас во всем мире возрастают грузовые перевозки по воздуху. Крупнейшие зарубежные авиакомпании спешат приобрести грузовые самолеты. Так, например, авиакомпания ФРГ «Люфтганза» заказала фирме «Боинг» грузовой вариант пассажирского самолета-гиганта «Б-747» и уже эксплуатирует его.

В нашей стране тоже все больше самых разнообразных грузов перевозится по воздуху. Аэрофлот, например, в огромных количествах доставляет фрукты и виноград с юга в промышленные центры и на Крайний Север Советского Союза. Аэрофлоту нужны современные грузовые самолеты, рассчитанные на дальние полеты, имеющие большую скорость, вместительную и герметическую кабину. Таким требованиям отвечает «ИЛ-76». При грузоподъемности в 40 тонн он развивает скорость до 850 километров в час и имеет дальность полета около 5 тысяч километров.

В его герметичной кабине тепло. И это позволяет перевозить любых четвероногих пассажиров или домашнюю птицу. Такие грузы сейчас тоже не редкость. А если надо транспортировать скоропортящиеся продукты, то можно отключить отопление, и грузовая кабина превратится в холодильную камеру. Ну и, конечно, «ИЛ-76» принимает на борт машины, различные механизмы, станки, причем крупногабаритные. Уверен, что новый грузовой самолет найдет применение во многих областях народного хозяйства.

Усовершенствовав известный лайнер «ИЛ-62», мы создали его модификацию — «ИЛ-62 М». Эта машина оснащена более мощными и экономичными двигателями конструкции ОКБ, руководимого Героем Социалистического Труда П. А. Соловьевым, что дает выигрыш и в скорости и в дальности.

В наши дни удобные кресла, низкий уровень шума, хорошее кондиционирование воздуха, приятные интерьеры салонов стали международным стандартом пассажирских самолетов. Стандарт этот еще выше на лайнерах третьего поколения. Крупнейшие зарубежные авиакомпании сейчас тратят десятки миллионов долларов на переоборудование интерьеров своих самолетов, чтобы придать им «широкофюзеляжный вид».

Салоны «ИЛ-62 М» по комфорту приближаются к широкофюзеляжным аэробусам, делая полет приятным, неутомительным. Этот самолет сейчас проходит эксплуатационные испытания в подразделениях Аэрофлота. Мы тоже продолжаем исследовать его, отлаживать. Если хотите, то вы можете полетать на нем с нашими летчиками-испытателями.

...На глаз мы не смогли отличить «ИЛ-62 М» от его предшественника. Те же стремительные формы, скрадывающие истинные размеры машины, ее внушительный взлетный вес — 165 тонн. И все же разница между ними существенная. Об этом нам рассказывает заместитель главного конструктора Анатолий Владимирович Шапошников.

— Мощные двигатели размещены в новых, более обтекаемых гондолах,— говорит он.— Сделано много технических усовершенствований. Изменен, например, киль — в нем разместили дополнительный топливный бак.

...Поднимаемся в самолет. В пассажирских салонах не чувствуешь себя, словно в тоннеле,— они кажутся шире, чем на самом деле. Отраженное освещение как бы размывает потолок, делает его невесомым. Отсутствуют багажные полки, вместо них компактные шкафчики с крышками на пружинных замках, гармонично вписывающиеся в интерьер. Вещи с такой полки не свалятся. Такое ощущение, будто бы находишься в современном жилом помещении — рациональном, светлом, красивом. Отделка салонов различна: первый выдержан в светлых, холодных тонах, второй — в теплых, коричневатых и темно-красных.

— Предлагаем выбор нашему заказчику — Аэрофлоту,— поясняет Анатолий Владимирович.— Интерьер «Север» рекомендуем для рейсов в тропические страны. Светлые тона создают ощущение прохлады. Интерьер «Юг» подойдет северянам.

— Какое задание у летчиков сегодня?

— Во-первых, они выполнят некоторые дополнительные летные проверки, а во-вторых, покажут корреспондентам «Огонька», как испытывается в воздухе «ИЛ-62 М».

...Наш самолет готов к полету. Старший на борту — шеф-пилот Герой Советского Союза, заслуженный летчик-испытатель СССР Эдуард Иванович Кузнецов, ученик дважды Героя Советского Союза В. К. Коккинаки.

— Сегодня полет у нас не совсем обычный, и потому в составе экипажа, кроме меня, еще два пилота,— говорит Эдуард Иванович.— Познакомьтесь: Герой Советского Союза, Заслуженный летчик-испытатель Яков Ильич Верников и летчик-испытатель первого класса Александр Михайлович Тюрюмин.

...Вот уже запущены двигатели. Стремительный разбег, и мы в воздухе. Быстро набираем высоту. Облака остаются внизу, и в салонах весело прыгают солнечные зайчики. За штурвалом Яков Ильич Верников. На высоте 10 тысяч метров в салонах дышится легко, давление почти равно земному.

— Самолет в зоне испытаний! — докладывает штурман-испытатель первого класса Валерий Алексеевич Щеткин.

— Ну что ж, начнем,— говорит Яков Ильич.

В салонах вспыхивают табло: «Разгерметизация самолета!» Включается звонок. Шасси со стуком выпускается. Самолет со свистящим гулом мчится к земле. Скорость снижения — 80 метров в секунду. Падаешь словно в бездну. Кружится голова.

На четырех тысячах метров Верников выводит машину в горизонтальный полет. Самолет отлично выдержал экзамен!

Теперь машину ведут Эдуард Иванович Кузнецов и Александр Михайлович Тюрюмин. Предстоят испытания на критических режимах полета. Набираем высоту и снова переходим в горизонтальный полет. Потом летчик энергично берет штурвал на себя — нос самолета задирается, падает скорость, и машину начинает трясти. Сначала едва заметно, затем дрожь становится сильной и частой. А через мгновение самолет опускает нос и ныряет.

— Видите, какая упрямая машина, мы стараемся ее «передрать», а она энергично сопротивляется,— шутит Кузнецов.— А ведь испытание проводилось на больших углах атаки, точнее, даже на углах критических, когда обычные машины могут сорваться в штопор...

Благодаря специальной аэродинамической компоновке крыла с «ИЛ-62 М» этого не случится. Разумеется, летчик сам никогда не станет вводить самолет в такой опасный режим, но на больших высотах и при сильных вертикальных воздушных потоках может сложиться подобная обстановка. О приближении опасности предупреждает тряска. Это как на автострадах с ребристыми краями: задремал водитель, начал съезжать с дороги — его тряхнет и разбудит...

Программа испытательного полета окончена, и мы возвращаемся домой! Вслед за нами приземляется еще один «ИЛ-62 М». Он проходит эксплуатационные испытания уже в Аэрофлоте — летает с грузом по дальним трассам. Спрашиваем у командира этого корабля Героя Социалистического Труда, Заслуженного пилота СССР Николая Михайловича Шапкина, каково его мнение о новом самолете.

— Отличная машина,— отвечает он.— При полете с коммерческой нагрузкой десять тонн — это примерно сто пассажиров — дальность увеличилась на 1 700 километров. Значит, можно летать, скажем, из Москвы в Южную Америку, Австралию, на Дальний Восток. Возросла и скорость — на 40 километров в час. Для наглядности — пример. Вот сейчас при полете из Токио в Москву мы на «ИЛ-62 М» перевезли 18 тонн со скоростью 870 километров в час. А «ИЛ-62» смог бы взять только 13 тонн и лететь с меньшей скоростью. Вот сколько весит «буква М»! Ну и, конечно, комфорт...

Так состоялось наше знакомство с новыми ИЛами.

В этом году коллективу, создающему прекрасные воздушные корабли, исполнится 40 лет. Пожелаем ему больших успехов и радости творчества!

Новый грузовой самолет «ИЛ-76» в полете.

АЗЕРБАЙДЖАН

ШТУРМАНЫ БОЛЬШИХ ГЛУБИН

По вечерам на буровой № 72, что выросла в местечке Кюрсангя, вспыхивает пятиконечная звезда. Здесь ударную вахту третьего, решающего года пятилетки несет одна из лучших бригад нефтяников страны, возглавляемая Героем Социалистического Труда Салманом Нагиевым.

Сверхглубокая разведочная скважина № 72 запроектирована на глубину 5 500 метров. По прогнозам геологов она должна выявить нефтегазоносность нижних горизонтов продуктивной толщи. Нелегко даются штурманам глубин эти подземные километры. И тем не менее в осложненных геологических условиях, преодолевая трудности, сюрпризы природы, они точно ведут свой «корабль» к нефтяной гавани.

...Первого февраля на буровой появился плакат-молния. Какой-то шутник размашисто написал на нем: «Уверен — обгоняй!!!» Рядом стоят две цифры: 200 и 357. Первая перечеркнута.

Нефтяникам эти две цифры говорят о многом. Вместо запланированных 200 метров в январе пройдено 357. Отличный старт!

Я спросил Салмана Нагиева:

— Каковы слагаемые победы?

Он улыбнулся, пожал плечами и ответил лаконично:

— Дисциплина и трудолюбие.

— А если чуть подробнее?

— Мы взяли обязательство. Оно коротко сформулировано вот на этом плакате: «Каждый день, каждый час опережать график». Так мы и работали в январе. Без единого часа простоя, на полную мощь используя возможности техники. В бригаде сложились такие отношения, что любое нарушение трудовой дисциплины считается происшествием чрезвычайным. Весь коллектив ополчится против нарушителя, и несдобровать тому, кто хоть час рабочего времени зря растратит. Но в январе все люди работали самоотверженно. Неожиданно ударили крепкие морозы, природа учинила нам строгий экзамен. Но мы, кажется, выдержали его. Каждый в отдельности и весь коллектив в целом.

Мы соревнуемся с бригадой Героя Социалистического Труда Г. Левина из Тюмени. И в самые трудные январские дни, когда холодный колючий ветер обжигал лицо и руки ребят, когда завывала поземка и казалось — в особенности нам, южанам,— что работать сейчас уже нет никакой возможности, вот в такую пору я напоминал своим товарищам о сибиряках, о бригаде Левина: им-то каково! Ведь там морозы сорока градусов достигают. Неужели мы посрамим честь своей бригады?

Нет, не погасла над их буровой звездочка. Бригада Салмана Нагиева выполняет свое обязательство: на три месяца досрочно пройти скважину.

Г. ПОГОСОВ

На снимке: буровой мастер треста «Азнефтеразведка» Герой Социалистического Труда Салман Нагиев.

Фото В. Пащенко (ТАСС).

ЗА ШТУРВАЛ

Та весна, когда мы познакомились с Эльмине, уже далеко позади. Помнится, как по небольшому полю шли тракторы и в кармашках комбинезонов трактористок синели первые весенние цветы. Мы с Эльмине — невысокой, худенькой, совсем молоденькой — стояли на меже, и она сказала с чуть уловимым эстонским акцентом: «Я еще стану такой, как Паша Ангелина. Обязательно стану».

Эльмине в ту холодноватую весну было нелегко. Она только что возглавила первую в Эстонии женскую тракторную бригаду. Девушки поначалу с восторгом взобрались на трактора, а при первом столкновении с тяжелыми машинами не прочь были и отступить. Эльмине, как умела, учила, уговаривала их, успокаивала,— словом, всячески удерживала бригаду от развала. Жила она в ту весну очень напряженно, и причин для уныния было достаточно. Но она не унывала, в будущее смотрела уверенно и упрямо. Я тогда написала о ней очерк в «Огонек» — «Чистое поле».

С тех пор мы встречались с нею не однажды. В последний раз — на торжественном собрании в день 50-летия образования СССР. В зал вносили знамя республики. По-парадному развернув, нес его Герой Советского Союза Арнольд Мери. За знаменем шли самые знатные люди республики, среди них и наша знакомая — Эльмине Отсман, комбайнер, Герой Социалистического Труда.

Между двумя нашими встречами пролетело двадцать лет. Они как бы спрессованы в нескольких десятках тетрадей — Эльмине иногда разрешает заглянуть в них. Согнутые пополам, чтобы уместились в полевой сумке, местами в пятнах солярки, чуть припахивающие бензином, дневники эти соединили в себе личные и общественные радости и горести Эльмине.

— Сейчас еще не время публиковать их,— говорит Эльмине.— Если вообще это почему-либо нужно...

Только иногда, чтобы вспомнить события и даты, она кое-что читает или показывает отдельные странички.

Вот одна из записей: «Впервые меня пригласили на республиканский праздник песни как первую и единственную трактористку Эстонии. А теперь я, деревенская девчонка, депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда. Как много я уже получила от жизни, как мало еще сделала...»

Это чувство неисполненного долга стало сильнейшим зарядом ее дальнейшей жизни. Оно и не дало ей почить на лаврах, как случается иногда с людьми, отмеченными высокой наградой,— мол, все достигнуто.

И еще одна запись: «...Мне думается, что женщина, если она строит свое счастье только в пределах собственной квартиры, собственного огорода, попросту себя обворовывает. Размер этого счастья ограничивается только стенами квартиры или началом и окончанием грядок. Тесно! Теперь многим женщинам тесно и в своем колхозе, даже в районе, даже в пределах одной республики. Хочется простора, широкого общения с людьми. Я думаю, что счастье прочнее поселится в твоем доме, если этим домом станет вся твоя страна...

За двадцать лет в моей жизни много всего было. Колхозники украшали комбайн цветами, и я, вся в цветах, как невеста, вела его по улицам Вильянди в МТС... Мокрой осенью хворост и солому под колеса таскала, чтобы выбраться из грязи. Когда стопорилась передача, зерно из бункера ведром выгружала. Месяцами мокла под дождем... Плакала на мостике... Ордена получала. О другой работе и не помышляла: лучше всего я чувствую себя за рулем комбайна».

Можно позавидовать такой судьбе, когда человек лучше всего чувствует себя на своем рабочем месте.

Внешне Эльмине почти не изменилась за двадцать лет — такая же тоненькая, моложавая, руки с длинными, красивыми пальцами полны силы. А внутренние какие перемены? Перед войной она успела окончить пять классов, потом надо было помогать семье, работать — всю жизнь надо было работать для того, чтобы помогать семье. Но дом у этой женщины

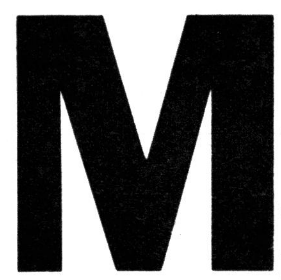
Эльмине

ОТСМАН,

Герой

Социалистического

Труда

ожет быть, и есть такие люди, которые равнодушно воспринимают эти четыре слова: «Третий, решающий год пятилетки». Наверное, есть они среди бездельников. Среди работающих нет.

Для меня это очень важный год. А если подробнее,— надо вернуться в прошлое, в детство. Именно тогда в полную силу зазвучали в стране слова «социалистическое соревнование». Кто не помнит, на какие высоты оно тогда возносило нас!

Стаханов, Ангелина, Виноградовы, Мамлакат Нахангова! Эти имена для меня и сейчас священны. И именно поэтому я социалистическому соревнованию 1973 года придаю огромное значение.

Вся моя жизнь в общем-то — постоянное социалистическое соревнование.

Я приехала в Эстонию после войны, а родилась я в Лужском районе, Ленинградской области. Жила в маленькой деревушке, училась там в эстонской школе. Там и ворвалось в мое детство слово «трактор». Кого нынче этим удивишь? А тогда... Я бесконечно гордилась своим отцом — трактористом. Диким упрямством добилась, чтобы он меня, пятнадцатилетнюю девчонку, взял к себе прицепщицей. С того момента для меня и началось социалистическое соревнование. Отцу сейчас 81 год, он давно на пенсии, но я до сих пор оглядываюсь на него. Он был настоящим мастером своего дела, примером добросовестности и ответственности и моим постоянным «соперником» в соревновании. Помню время, когда он у меня был прицепщиком, а я бригадиром. Дело прошлое, но все же неловко было. А с другой стороны, даже приятно. Отец, как типичный эстонец, внешне относился к этому вроде бы как к должному. Пошучивал: «Будь я помоложе, я бы тебя погонял...» Но я знала, что он тоже раздваивался — и гордился мной и обижался немножко. Однако не в эмоциях дело. Результат важен. С первых дней коллективизации в Эстонии наше с отцом соревнование было здесь, в Вильяндиском районе, у всех на виду. Я думаю, это не должно показаться хвастовством. Обстановка ведь в самом деле была особая. Эстонские крестьяне, пережившие тяжкую пору владычества буржуазии, когда по 1 300 небольших хуторов ежегодно продавались с молотка, переходили в новое, социалистическое общество. На чьем-то примере им надо было учиться!

Одно время лучшим трактористом в Эстонии был Юхан Кюла. Кто он? Много лет назад Юхан к нам в женскую бригаду мальчишкой-прицепщиком пришел. Мы, девчонки, его учили и воспитывали. Опять же, не сочтите меня хвастуньей, но это правда: задору соревнования именно мы его обучили. Вот он и отплатил: обогнал меня, стал лучшим в республике, и я не знала, то ли обижаться мне на Юхана, то ли гордиться им. Потом Юхан вступил в соревнование с Паулем Пяхклепом. Это был такой поединок в мастерстве обработки полей, что, когда они пахали, колхозники бегали смотреть с одного поля на другое — хоть бы один огрех найти! Наш парень из женской бригады не подвел: стал лучшим в республике, был награжден орденом Ленина, избран депутатом Верховного Совета Эстонской ССР.

Конечно, человека нужно награждать и поощрять — это знак уважения общества к личности. Однако колхозник, нынче живущий богаче иного горожанина, очень и очень не простой человек: одолев много трудностей, удержавшись от соблазнов городской жизни, он всерьез полюбил землю! И работает ныне в первую очередь не для наград и премий, а ради хлеба для всех нас.

Теперь расскажу о комбайнах. Меня всегда тянуло к машинам. Свекровь моя говорит, что меня будто ветром гонит туда, где трудно. Я бы добавила для ясности: туда, где ново, где интересно. Надо сказать: когда я получила первый комбайн и выехала в поле, мне очень даже несладко пришлось. Год был беспросветно дождливым, комбайн увязал в мокрых полях, останавливался буквально на каждом шагу. Я ножом резала запутавшуюся в хедере солому.

ОМ ЭЛЬМИНЕ

полон книг. Во всем, что она пишет — письма ли, дневники ли, подписи ли под фотографиями в домашнем альбоме,— во всем чувствуется женственное, лирическое, очень искреннее литературное дарование. На одной из страничек дневника есть и такое: «Мне дано все, что женщина может хотеть от жизни. Но как бы хотелось обо всем этом написать хорошими, красивыми словами...»

За эти двадцать лет девочка с чуть жестковатым, чуть самоуверенным нравом стала предельно чутким человеком. Она много лет была депутатом Верховного Совета СССР и республики. Нужды народа, большие и малые заботы избирателей научили ее быть и доброй и в то же время твердой в достижении своих целей. Сколько детей устроено в ясли, сколько километров деревенских дорог по ее ходатайствам покрыто асфальтом — этого она и не считала, конечно. Но много. Очень много!

И вот еще что хотелось бы добавить: Эльмине не видит себя со стороны на мостике комбайна. Поэтому надо сказать несколько слов о ее работе.

...Прекрасно августовское поле. Хлеб пахнет горячим солнцем. Ласточки рассаживаются на телеграфных проводах, словно на нотных линейках,— первый намек на близкую осеннюю песню. Ивы красуются то своей серебряно-матовой, то зеленой лакированной стороной. И вдруг словно сам дух двадцатого века вторгается в деревенскую пастораль. Пыль столбом взлетает с края пашни, запах горячего железа и машинного масла перешибает ароматы трав, настойчивый гул мотора заглушает трогательные голоса природы — это Эльмине вводит комбайн в дрогнувшую стену хлебов.

И тут уже на долгое время для нее перестает существовать все, кроме машины и хлеба, поля и высыхающих рос, смены дождя и солнца. На долгое время главным в ее жизни становится борьба за зерно, за хлеб. Но это — впечатления со стороны.

А теперь — слово самой Эльмине.

Н. ХРАБРОВА

Эльмине Отсман. Фото С. Мигдаля.

Под конец осени было даже так, что комбайн весь коркой льда покрылся. Подогнали мы с мужем его к нашей бане, кипятком смывали застывшую грязь, детали, которые удалось снять, всей семьей таскали в банные котлы, размораживали, мыли.

Были среди тогдашних колхозников и такие, которые в открытую издевались и над комбайном и надо мной. Мол, это не русские степи, на наших клочках такую машину не только что не развернешь, но и утопишь. Счастье мое в том, что со мной всю жизнь рядом настоящие мужчины — сначала отец, потом муж, теперь старший сын. Было время, когда они все вместе со мною работали. Теперь сын в армии, зато муж, Алекс, колхозный механик, меня ни в какой беде никогда одну не оставит. А женщине-механизатору такая опора совершенно необходима. Я думаю, на наших полях сейчас так мало женщин-механизаторов только потому, что в хозяйствах нет хороших бригад мужчин-ремонтников. Не баранку трактора или комбайна женщине трудно крутить, а машины трудно ремонтировать, просто физически тяжело поднимать и поворачивать детали. Благодаря мужу и отцу мне удалось тогда справиться с первыми трудностями. Ну, а с эстонскими маленькими полями я уж сама сумела сладить, комбайн у меня, как цирковой артист, на них крутился. В 1951 году в соревновании комбайнеров я вышла на первое место в республике и была награждена орденом Ленина.

А потом началось... Раскусили! Всем комбайн понравился. Теперь без него уборки и не мыслит никто. Мужчины вошли во вкус, принялись меня обгонять: Войт, Някк, Юнолайнен... Словом, я в районе второе место занимала, а в республике, бывало, и девятое. Думаете, это легко? Одно утешало — рост мастерства эстонских комбайнеров. Но чтобы смириться и сдаться? Ну, нет. Села за схемы, исследовала все до крошечного, последнего винтика, с конструкторами комбайнов переписку начала. Отладила машину на ускоренные обороты. Снова вышла на первые места. И вот наступил большой день в моей жизни — 1 марта 1958 года — Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении мне звания Героя Социалистического Труда. Об этом невозможно рассказать. Одно скажу: оглянулась я тогда на всю свою жизнь. Взяла направление, чтобы с каждым годом работать лучше и лучше.

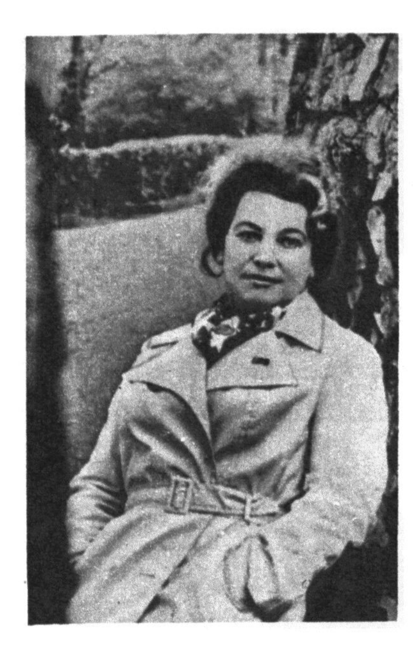
Я это к тому все рассказываю, что мы подчас и не сознаем, к каким высотам приводит нас это ставшее уже несколько будничным социалистическое соревнование.

Скоро наступит моя 25-я рабочая весна. Меня вызвал на соревнование курский комбайнер Герой Социалистического Труда Иван Иванович Душин. Я знаю, в Курской области поля ровные — степи! Мечтаю о степи, о солнце, о просторе для комбайна... Впрочем, и у нас теперь есть и простор и размах, в той мере, в какой наш ландшафт позволяет. И урожаи научились получать на уровне черноземной полосы. Одно мешает — земля наша словно нашпигована камнями. Большие, конечно, тракторами вытаскиваем. А вот что делать с более мелкими? После каждой вспашки поле опять в белую крапинку. Я сижу за рулем комбайна, а внутри страх: сейчас камень в машину попадет. И попадает. А у меня такое чувство, словно не в машину, а прямо в мое сердце. Я вот и надумала: как только закончится сев, возьму лошадь, пса своего кликну — я не только машины люблю, я собак и лошадей обожаю — и поеду в поле, стану камни в корзинку собирать, ссыпать в телегу. Это надо делать сразу после сева, чтобы всходы не притоптать. В это время жаворонки над полями хорошо поют. Вот и будет уборка камней не в тягость, а в радость. И то будет радость, что поле станет чище.

Соревнование комбайнеров — это ведь не только короткие недели уборки, но и длинные месяцы подготовки. Потягаюсь с курским комбайнером, чтобы женской славы не уронить.

И еще мечтаю поработать на новом комбайне «Нива» — письмо с просьбой прислать его нам отправила на «Ростсельмаш».

А больше всего мечтаю о том, чтобы штурвал комбайна как можно дольше держать в руках.

Весеннее

Валентина САAКОВА

1

Томлюсь
Весенним беспокойством,
Как жаждой, губы иссуша.
Набухшей почкою откройся
Навстречу всем ветрам, душа.
Вновь зачарованно застыну,
Вдруг засмеюсь,
Вдруг загрущу,
И стих из клетки сердца выну
И в небо голубем пущу.
Над полем,
Над речной излукой,
Мой белый голубь, взвейся ввысь
И в чьи-то бережные руки
На склоне солнца опустись.
Будь откровеньем
И ответом,
Чужую боль заговори,
И той весны заветной светом
Кому-то душу озари!

2

Когда возвращаются птицы
И гнезда весенние вьют,
Девчата в кубанских станицах
Зазывные песни поют,
И парни девчонок уводят
К вишневым душистым садам,
К реке, где разлив колобродит —
По нашим с тобою следам...
Не верю, что нам отлюбилось,
Что сердце застыло в груди:
Годам не сдавайся на милость —
Есть весны еще впереди!

3

Как рябина со калиной
Собеседовались,
Как подруженька подружке,
Исповедовались:
— Я калина,
Ты рябина,
У нас бабья судьбина:
И горчинка,
И сладчинка,
И веселая хмелинка.
Нас и град сечет,
И мороз печет,
А весна придет —
Белый цвет цветет.

А мы смелые, бедовые,
У нас ягодки медовые,—
Пирог нами начиняется,
Песня нами начинается,
Без нас свадьба
Не играется!

4

Не закрывай окно,
Впусти грозу,
Дай ветра досыта хлебнуть шального,
Пускай из глаз мне высечет слезу,—
Ну что ж такого!
Не закрывай окно,
Еще закат
Лучом прощальным светит из-за тучи,
Еще пришлет судьба издалека
Счастливый случай!
Не закрывай окно,
Я не боюсь
Ни затяжных дождей, ни молний грозных,—
Пусть загорюсь, пусть горько обожгусь
Любовью поздней!

5

Возьми меня, край мой, к себе
в подмастерья,
Ковать научи медно-красные перья
Какой-то диковинной сказочной птицы,
Варить приворот из душистой живицы,
На сумерек сизом железе вечернем
Чеканить березы серебряной чернью,
На древних полотнах небесного плата
Узорочье вышить рябиной заката.
Дай силы, чтоб робкой руке утвердиться —
Я буду прилежной твоей ученицей!

6

О, очищение души
Животворящею природой!
Ни суетностью не грешить,
Не гнаться за капризной модой —
Найти родник в лесной глуши,
В его незамутненных водах
Ополоснуть лицо души,
Себя живой водою сбрызнуть,
Чтоб сил хватило вновь спешить
На глухариный клекот жизни...
Пришедший к роднику напиться,
Да будет горсть твоя легка,
Чтоб никогда не замутиться
Воде лесного родника.

7

Как ты застенчиво добра,
Моя родимая сторонка,
Где иволга лепечет звонко
В струе живого серебра,
Где наклонилась дева-ива
Над незатейливым ручьем
И где была я так счастлива
Еще в неведенье своем...
А зло познается потом,
Но сохраню в добро я веру,
Чтобы чужое зло измерить
Твоим доверчивым добром.

8

Проблеснет весна,
Как в струе блесна,
Как заря в рассвет —
Промелькнет — и нет.
Пролетит, как миг,
Да приметится —
В сердце у двоих
Долго светится.
Уж с каких времен
В серебре висок,
Да еще хмелен
Тот весенний сок,
Что пила до дна,
Ох, да не одна,
От тебя, весна,
Без вина пьяна!

9

Зови теперь не милою —
По имени,
По отчеству,
Пугай зимою стылою,
Осенним одиночеством,
Пускай уже не зваться мне
Единственною ладою,
Пускай не красоваться мне
Весенними нарядами,
Да не пугай, что в старости
Душа живет без радости:
Лишь знать бы —
Как положено,
Тропа моя исхожена,
И дерево посажено,
И семя в срок заложено,
И жизнь на жизнь помножена,—
Дитя любовью рожено!

10

Благословляю отчий дом,
И дом соседей и друзей,
И заработанный трудом
Хлеб доброй родины моей.
Я хлеб не числю лишь едой,
Обычным дополненьем блюд,
Его, как сердце, на ладонь
Друзьям доверчиво кладут.
Хлеб — всех людей живая связь,
Сердца скрепляющая нить,
Позволь же, в верности клянясь,
Хлеб нашей дружбы преломить.
На сердце руку положа,
Клянусь с тобою в мире жить
И свой осенний урожай,
Как с другом,
Поровну делить.

11

Ты говорил:
— Беззуба доброта,
Нет у нее в борьбе со злом оружья...
О женская святая доброта,
Она, как хлеб,
Обычна и проста,—
Живет для всех,
Всем жертвует,
Всем служит.
Да, ей всю жизнь
С оружьем не везло,
Но если вдруг тебе грозило зло,
Она бросалась в битву безоружной,
Как Жанна д'Арк,
Бесстрашна и чиста,
И перед ней смолкала клевета,
И добротой униженное зло,
Скользя, в кусты ослизлые ползло...
О сколько сил,
Чтоб доброй быть,
Мне нужно!

беспокойство

12

О, как ранимы старые сердца!
С годами оболочка их тончает,
И жизни всей заботы и печали
На них ложатся тяжелей свинца.
О, как ранимы старые сердца,—
Будь бережней со старыми сердцами:
Годами суть их так обнажена,
Что больно может быть обожжена
Твоими равнодушными словами,
Будь бережней со старыми сердцами...
Как одиноки старые сердца!
В знобящую предзимней стужей пору
Не пожалей тепла, будь им опорой,
Весенним бликом им во тьме мерцай.—
Как одиноки старые сердца!

13

Природа в естестве своем проста,
Ее явлений круг давно означен,
Но палый лист осеннего куста
Душа увидит — и тихонько плачет,
И мнится: лист — подбитое крыло
Журавушки, отставшего от стаи,
И вдаль воображенье унесло,
И стала сказкой истина простая...
Какие сказки в наш железный век!
Но стоит лишь к природе обратиться —
И рдяный лист на вянущей траве
Лежит оброненным пером жар-птицы.

14

Подумаешь, какое дело —
В ладонях птицу отогрела
И вверх подбросила: лети!
Но я сама
Из этих птиц —
Когда мне холод крылья тронет
И вдруг озябну я в пути,
Мне нужно так тепло ладони,
Чтоб силу взлета обрести!

15

Пожухлый лист с деревьев облетает,
И с криком кружит в роще воронье...
Природа гибнет —
Как нам не хватает
Живящего дыхания ее!
Скажи,
Скажи,
Ты сможешь быть счастливым
В созвездьях Веги или Гончих Псов
Без неоглядных далей хлебной нивы,
Без ласкового шелеста лесов?
И даже мысль одна невыносима,
Представишь — лоб в горячечном поту,—
Что повториться может
Хиросима
И сжечь дотла земную красоту.
Спеши,
Спеши,—
Леса дымятся палом,
В ладонях гор озер не удержать.
Ты видишь,
Бурей дерево сломало,
Спеши скорее новое сажать!

16

Злой волшебник,
Ветер листобой,
Силой жизни
Меряюсь с тобой.
Сколько бы тебе
Ни колдовать,
Все равно
Весна придет опять.
Встану, подбоченясь,
На юру,
На сквозном, на яростном ветру,
Чтоб не стыла
На ветру душа,
Кину нá плечи
Цветную шаль.
Ты, шалоник старый,
Не шали,
Шаль мою морозом не бели,
Силу на меня
Зазря не трать,
Все равно со мной
Не совладать!

17

Старинных песен сладостная власть
Колдует над моей душой, как хочет:
То сказывает быль, то плачет всласть,
То озорной девчонкою хохочет.
О песня предков, птичьих трелей россыпь
И богатырски мощный вздох басов,
Мои стихи — как скромный подголосок
Среди твоих бессмертных голосов.

18

О мать,
Благодарю, что я жила,
Не в полсердцá,
Страдая и любя,
Благодарю,
Что силы мне дала
Оставить людям
За одну себя
Две жизни,
Две весны,
Как две улыбки,
Две книги, не дописанных пока,
Где будут и сомненья и ошибки,
Но где правдива каждая строка.
И я оставлю им
Восходы, всходы
И долго не сгорающий закат,
Загадки всех наук,
Все таинства природы
И ярость
Одоления преград.
За них
Своею жизнью отвечаю,
Они мне —
Оправданье, что жила,
И от тебя
В наследство получаю
Бессмертья
Лебединые крыла.

19

Как руки матери напоминает мне лист опавший, с потемневшей кожей, где прожилки прочерчены, как жилки, как шрамы, набухающие темной, густой и тяжело текущей кровью. Лист прижимаю я к своей щеке, и он, прохладный, медленно теплеет, не знаю, от щеки моей горячей иль от слезы моей горючей?

Поздно...

Устали руки матери моей и сложены, как два листка опавших, на впалой, без дыхания груди. О руки, вы, что долгими ночами бессонно колыбель мою качали, вы, что ложились на горячий лоб и нежною прохладой исцеляли, что отводили беды от меня и на плечо мне мягко опускались, благословляя в долгий трудный путь и обнимая радостно при встрече, вы, руки матери моей, устали! Поздно...

20

В наш быстрый век взрослеют рано дети,
Спешат себя для жизни утверждать:
Еще в отцы годятся внукам деды
И бабушкам — едва за сорок пять.
Я тоже убаюкиваю внучку
В дремотной колыбельной тишине,
В ее глазенках солнца добрый лучик
Моей весной далекой светит мне.
Весенний ветер ломится в квартиру,
Бунтует жизнь в распахнутом окне.
Примета есть:
Девчонки —
Это к миру,
Их аисты приносят по весне.
Как праздник —
Новой женщины рожденье,
Наш праздник,
Новой жизни утвержденье,
С грядущим веком кровное родство,
Она —
Мое живое повторенье,
Бессмертья материнства торжество.
Сил набирайся,
Девочка моя,
Расти, малышка,
Всей семье на радость,
Вставай на ножки крепче,
В добрый час!
Мы — женщины,
Нам столько сделать надо,
Заботы всей земли родной
Ждут нас.

Сочи.

Рисунок В. ДОБРОВОЛЬСКОГО

Владимир ЧИВИЛИХИН,
специальный корреспондент
«Огонька»

ШВЕДСКИЕ

1. СОЛЕНОЕ И ПРЕСНОЕ

Воздушный путь от Москвы до Стокгольма так скор и плавен, что эти полтора с небольшим часа ничем не вспоминаются, и, собственно, дорожных впечатлений у меня нет. Привыкаем, что ли? А лет пятнадцать назад, когда я впервые в жизни попал из Москвы в Сибирь на «ТУ-104», то несколько суток не мог прийти в себя: все время думалось об этом легком прыжке гигантской летучей машины, которая четыре часа до странности мягко плыла, чуть ли не висела недвижимо в разреженной морозной среде. И гулкий гуд потом долго стоял в ушах, и виделось густо-синее, с намеком на черноту небо, и белая, плотная, словно твердая, пелена облаков под ним, а ночами тело непроизвольно вздрагивало, будто никак не могло вытряхнуть из себя увязшую в нем вибрацию.

Привыкаем. Уже стали практически невозможными неторопливые путешествия; архаические скрипы колеса, мачты и санного полоза безвозвратно сменились воем и ревом дизельных, паровых, водометных, электрических, поршневых, реактивных, турбинных, атомных и, не знаю, каких уж там еще, двигателей и движителей, к которым мы быстро и в общем-то безболезненно приспособились, как ко всему остальному, что сопутствует поспешным теперешним передвижениям по земле, воде и воздуху. В последнем полете, скажем, я, как все пассажиры, механически взял карамельку, пристегнулся, пропустил мимо ушей стандартное сообщение стюардессы о том, что за бортом, дескать, минус пятьдесят. Вспомнилось только, что градусы эти отмеряются во всем мире по шкале астронома и физика Андерса Цельсия, в страну которого я собрался.

Вот мимолетным видением проплыл внизу Стокгольмский архипелаг — зеленые, как тина, острова и островки в бледно-синей морской глади; когда самолет заваливало то на одно, то на другое крыло, уж нельзя было понять, в каком иллюминаторе море под цвет неба, а в каком небо под цвет моря. Пассажиры поправляют галстуки и прически, нацеливают глаза на свою ручную кладь и мысленно, должно быть, уже дома или в отелях. А по Швеции пролетелось, проехалось и проплылось больше трех тысяч километров в том же бесцветном скоростном темпе, с поглядыванием на часы и с нетерпеливым ожиданием остановок, манящих неизвестностью и новизной.

Многие из нас доверяют первому взгляду, и, когда въезжаешь в неведомую страну, глаза сразу же ищут самое приметное, которое может стать неповторимым признаком всего последующего. Однако главный шведский аэропорт Арланда ничем не выделяется из ряда современных самолетных станций, а Шереметьево наше, например, куда удобней и просторней. Как во всяком международном пересадочном пункте, в стеклянно-бетонной Арланде — смешение языков, рас, одежд, и, кроме, пожалуй, содержимого сувенирных прилавков, тут нет ничего характерно шведского. На площадках, у здания порта, стоят «вольвы» и «волги», «форды» и «москвичи», «мерседесы», «шевроле» и даже родной автобус львовского завода.

Сразу же за подъездами к площадкам начинается лес. Сосны, ели, березы, кустарники; деревья вроде бы пониже, и кроны у них пожиже, чем в наших широтах, однако шведы хорошо встречают гостей — живым, трепещущим на ветру лесом.

Выезжаем на шоссе, ведущее в Стокгольм. С первыми тремястами метрами этого шоссе связано мое единственное дорожное впечатление, которым я считаю нужным поделиться. Какая редкая безвкусица! Вдоль дороги на фоне красивого, чистого леса выстроились вровень с кронами дерев огромные рекламные щиты. Они как-то казенно стоят на одинаковом расстоянии друг от друга, однообразные по размеру, форме, цвету, шрифтам и — не знаю, как бы помягче сказать — ну, просто хулигански чужеродные окружающей среде. Машины тут только берут разгон, подумалось мне, и какие-то оборотистые фирмы купили это бойкое место — въезд в Швецию — и напропалую кричат о своих напитках, косметике, моющих порошках, еще о чем-то, не уловишь на ходу. Какая навязчивость, какая скучная расчетливость! Испорчено первое впечатление, зрительно загрязнена — повторяю — с р е д а, о проблемах которой, в частности, я изготовился говорить в своих заметках. А ну как эти и подобные им фирмы понаставили таких же щитов в других приметных местах, заслонили деревянными плоскостями самые чарующие шведские виды?..

Щиты промелькнули, колкая соринка в глазу осталась. По сторонам потянулись леса и перелески, облагораживающие рельеф. Вот ходит тяжелыми волнами выколосившаяся пшеница, вот большое гречишное поле радует своей ослепительной желтизной, светлая речка проблистала попутно... И ни одного, между прочим, рекламного щита до самого Стокгольма! Да и все остальные три тысячи километров приятно контрастировали с первыми тремястами метрами шведских дорог — нигде я больше не увидел пейзажа, изуродованного рекламой. Это обстоятельство я считаю отличной рекламой нового, правильного отношения шведов к живой природе. И когда после поездки по стране я встретился в Стокгольме с заместителем Генерального директора Управления по охране окружающей среды господином Уве Хённингером, то эта тема сама собой всплыла.

— Верно,— сказал Хённингер,— мы не допускаем рекламу в природную среду. От этого есть будто бы невесомая, но на самом деле существенная польза. Арланда же — исключение. Мы это разрешили. Именно для контраста.

— Неплохо придумано.

— Кроме того,— сдержанно улыбнулся собеседник, главный разговор с которым был у меня впереди,— на ходу, из машины там ничего прочесть не удается, а кто же будет останавливаться, чтобы рассматривать рекламу?

И я не хочу больше задерживаться на впечатлении, схваченном на ходу, перехожу к остановкам, во время которых можно было оглядеться, прислушаться, перемолвиться словечком со спутником или встречным.

Стокгольм, большая остановка. Город раскинулся просторно, свободно и так, что не вдруг ориентируешься в нем, не сразу понимаешь, где сейчас ты — на острове, перемычке, полуострове или основном скандинавском побережье, над озером, морским заливом или протокой. Этот уголок нашей планеты, должно быть, кружил голову не одному поколению картографов, такую сложную вариацию земли и воды оставила здесь первозданная неразбериха. В архипелаге, на морских подступах к городу — почти двадцать пять тысяч больших, маленьких и крохотных островов, облесенных и голых, скалистых и низменных. В длинном извилистом заливе Сальтшён — те же острова, да еще прихотливо очерченные мысы и мысочки, да узкие сыновние фиорды и фиордики. Изрезано бухтами, сплошь искрапано островами большое пресноводное озеро Меларен, подступающее к городу из глубины скандинавского сапога. Стокгольм стоит в центре этой стихии. Здесь, у базальтовых набережных, у цоколей зданий, на городских — озерных и морских — плесах, в протоках и каналах, под бесчисленными мостами встречаются, сливаются, смешиваются горькие воды Сальтшёна—порусски «Соленого моря» — и чистые струи Меларена: соленое и пресное...

Стою на старинном мосту, любуюсь панорамой города — синими водами, возвышениями, покрытыми камнем и лесом, шпилями древних построек, современными и пока редкими зданиями, и, хотя первый день в чужой стране еще не вызывает острой тоски по Родине, я неожиданно, вдруг и вроде бы не к месту вспоминаю: «О русская земля, ты за шеломами еси!»

К месту. Интересное и совершенно необъяснимое историческое совпадение посчастливилось мне установить в Стокгольме, но, прежде чем сказать о нем, следовало бы признаться, как я в тот день потерпел поражение, также основанное на совпадении исторических дат. Во время полуофициальной коктейльно-кофейной встречи мы разговорились с одним старым шведским дипломатом. Собеседник, оказалось, прекрасно знает нашу историю, особенно историю Великой Отечественной войны. Он читает о ней все, досконально изучает мемуары наших полководцев, помнит самые незначительные военные операции, названия городков, деревенек и — поразительно! — даже фамилии младших командиров и солдат. Я только мысленно ахал, но под конец швед меня совсем убил. Он поднял рюмку, в которой соответственно его возрасту теплились три капли коньяка, и прежде чем произнести традиционное шведское «сколь!», сказал:

— За то, чтоб шведы и русские при встречах поднимали только заздравные кубки еще триста лет, и еще семьсот пятьдесят, и вечно!

Тост был хорошим, только я потом спросил:

— «Вечно» — я понимаю, но почему вы, извините, назвали эти цифры?

— Видите ли,— засмеялся он глазами.— По случайному совпадению: на днях исполнилось триста лет со дня рождения Петра Великого,

а в Новгороде недавно выпущен нагрудный знак в честь семисотпятидесятилетия со дня рождения Александра Невского...

Перейдем, однако, к шеломам, «Слову о полку Игореве» и Стокгольму. Первая столица шведов называлась Сигтуной. Покойный Геннадий Фиш, часто бывавший в Скандинавии, однажды писал; помнится, о том, что шведское «туна», английское «таун» и русское «тын» означают одно и то же — заграждение, ограду, город. А если пойти дальше, вернее, ближе к нашим дням?

Каждый город имеет свое ядро, сердце, зародыш. В Москве это Кремль, стоящий на холме, а здесь Стадсхольмен, небольшой остров, окруженный веером мостов. Он разделяет, а окружающие его две протоки соединяют соленый залив и пресное озеро. Между прочим, в старорусском языке слово «остров» означало не только сушу, окруженную водой. Наши предки «островом» называли и особо урожайный клин, и лесную делянку, и сухую возвышенность на болоте, холм. Однако слово «холм» скорее всего шведского корня, обрoненное на нашу землю по дороге «из варяг в греки», и город Холм, скажем, под Новгородом, расположенный в ровной, низменной местности, лежал как раз на этом знаменитом путике...

Короче, слова «шелом», «хольмен» и «гольм» имеют, очевидно, общий семантический индоевропейский исток и примерно означают одно и то же — «возвышение», «холм», «остров». А «сток» — это «бревно». Когда эсты разрушили Сигтуну, то согласно древнему обычаю было будто бы брошено в волны Меларена бревно, и в том месте, где его прибило к берегу, шведы заложили новое и главное свое поселение. А произошло это в том самом 1187 году, когда неведомый русский поэт-патриот из Новгород-Северского написал свое гениальное «Слово о полку Игореве», так что через пятнадцать лет одновременно наступит 800-летний юбилей этим двум столь различным и столь значительным памятникам человеческой культуры.

В Стокгольме немало древних, старых, новых и новейших достопримечательностей. В специально выстроенном павильоне — парусник, несколько веков пролежавший на морском дне. В главном зале городской ратуши — великолепные мозаичные панно на исторические темы, составленные из девятнадцати миллионов бликов. «Миллесгорден» — собранные под открытым небом работы замечательного шведского скульптора Карла Миллеса. Только что построенное здание риксдага — огромная сверкающая коробка, снизу доверху облицованная нержавеющей сталью, отраженным своим светом утепляющая микроклимат окрестных улиц. Бетонная стокгольмская телебашня; в сравнении с московской она проигрывает — значительно ниже и грубей, однако в ней есть своя изюминка. Снизу смотровые площадки даже не угадаешь, будто латунные листы покрывают ребристые бока верхнего помещения. А оттуда все хорошо видно — оказывается, это не латунь, а бельгийское стекло, легированное золотом, задерживающее три четверти солнечного излучения. И далее, как положено, кирки, музеи, дворцы, картинные галереи, театральная церемония при смене караула у королевских апартаментов, кинотеатрики с американскими и датскими фильмами, из которых люди выходят словно бы крадучись, не глядя друг на друга, пестрые толпы и витрины, в том числе вполне скандального, вернее, мерзкого вида... Короче, в Стокгольме есть все для несытного либо пресыщенного туристического взгляда.

Приглядевшись, заметишь и молодых богатых бездельников с опустошенными глазами и пожилых, вконец опустившихся людей, подивишься методично быстрому росту цен, особенно на продукты и всяческую обслугу, увидишь многочисленные демонстрации трудящихся и бурные уличные собрания различных политических групп и группочек — город клокочет в социальной буче, и хочется разобраться, понять, что в ней к чему. Очень интересно было бы исследовать, например, одно поразительное противоречие шведской действительности, выраженное в сухих цифрах статистики: в этой стране очень высокая средняя продолжительность жизни и чрезвычайно большой процент самоубийц. Однако я взял сегодня иную тему, требующую постепенного знакомства с нею и неспешных выводов...

В облике шведской столицы присутствует нечто такое, что не бросается в глаза, не кричит, не надоедает назойливым повторением, но входит в тебя естественно и просто, и ты становишься немножко другим и теперь всегда будешь этой особенностью вспоминать Стокгольм, выделяя его из длинного ряда больших городов. Даже не знаю, как это назвать. Точнее всего, наверно, словом, которое совсем недавно вошло в наш обиход и вошло прочно, хотя означает если не расплывчатое, то довольно широкое понятие, не имеющее пока научного определения,— среда. Раньше мы говорили «природа», «охрана природы», сейчас говорим «среда», «охрана среды», имея в виду все, окружающее нас, в том числе искусственную, рукотворную природу, суммарные условия существования человека.

Прежде всего о камне. Камень неотделим от Стокгольма, вошел в него составной частью. Шведы в отличие от японцев не обожествляют дикий камень. Они борются с ним, когда он мешает, умеют хорошо приспособить его к своим нуждам и не хуже других отдают должное его таинственной красоте.

Город стоит на мощной каменной плите и давно уже грызет ее бурами, ломает взрывчаткой. Невидимая гранитная и базальтовая твердь образует фундаменты сооружений, стены и потолки складов, многоэтажных — в глубину — гаражей и архивных хранилищ, туннелей и станций метро, канализационных систем. И наверху нашлась работа камню. В одном месте это чуть выровненная набережная, не нуждающаяся ни в каких дополнительных укреплениях, в другом — цоколь дома, прочное и красивое его основание, в третьем — высоченная каменная стена: скалы взорвали, раздробили на дорожный щебень или наполнитель бетонного раствора, освободив место для проезда или застройки.

Шведы настолько сроднились с камнем, что при строительстве стараются ему подражать. Здесь практически не применяют сборного бетона. Мосты, кинотеатры, жилые дома, стадионы, заводы — все выполняется в монолите, с помощью изумительной по аккуратности опалубки, стальной армировки, бетономешалок, вибраторов, увлажняющих брызгалок. Наверное, это выходит подороже и помедленней, чем собирать сооружения из блоков, изготовленных на специализированных заводах, но зато прочней и долговечней — однородная, цельная, без окисляющихся соединительных крючьев железобетонная громада с годами только твердеет, а каменная, пластмассовая и металлическая облицовка и покраска придают постройкам нужное разнообразие и своеобразие. В последние годы модным стало не облицовывать и не штукатурить бетон, а оставлять на виду след диагональной, вертикальной, горизонтальной опалубки, сохраняющей текстуру древесины, следы ее циркулярного и рамного распила. Так сделан цоколь телевизионной башни, например, и этот искусственный камень очень красив и оригинален.

Больше всего в Стокгольме, однако, камня нетронутого, естественно простого, придающего городу неповторимые черты. На улицах, площадях, скверах и парках — всюду камень в его натуральных контурах и красках. Отдельные камни и груды камней, лежащих так, как их положила природа, покатые лбы и островерхие скалы, серые, желтые, коричневые с краснинкой, матово-черные, пестрые, однотонные, слоистые, гладкие, шероховатые; камни, едва проступающие из газонов, и каменные, под стать айсбергам громады с десятиэтажными игрушечными домиками наверху. Камень разнообразит и украшает городские виды, не создавая в то же время никакой тесноты,— в Стокгольме просторно от заливов, проток и каналов.

Мы не научились еще ценить по заслугам простор, хотя при современном урбанистическом укладе жизни это дар неоценимый. Вы замечали свое состояние, когда после сумрачного переулка, набитого людьми зала или автобуса, из маленькой комнаты, шумного цеха или тесной лаборатории вы попадаете в уголок земной природы, где глазу открывается простор? Душа отдыхает, наслаждаясь бездонностью неба, манящей обширностью открытого пространства. Влияние земных, горных или водных далей на психику современного городского человека мало изучено, однако врачи и ученые придают все большее значение благотворному действию простора, который, являясь частью природной среды, успокаивает нервную систему, освобождает от эмоциональных перегрузок, пробуждает волю к жизни и действию. Открытое пространство, кроме того,— хранилище и фабрика тишины, оно как бы растворяет в себе самый громкий звук, а на земле сейчас немало людей, считающих тишину лучшей музыкой. С простором обычно связано и безлюдье, и я знаю таких, которые в одиночку уходят в лес и горы и бывают счастливы, если не встретят за весь отпуск ни одного человека. Часто простор для обитателя большого города — дорогое удовольствие, за которым надо лететь, плыть или ехать, тратить время и деньги. Стокгольмцы же должны благодарить своих пращуров за выбор места поселения, они бесплатно пользуются простором, на равных входящим в городскую среду.

Не могу припомнить ни одной столицы из тех, что я знаю, в которых бы так же легко и свободно дышалось, как в Стокгольме. Вспоминаю великолепный Париж с тысячами его индивидуальных каминов-коптилен и вековым черным налетом на домах; необозримо громадный, тем не менее такой тесный Токио, что кажется, душно и влажно там повсюду от дыхания и пота неисчислимых людских масс. Последние годы, говорят, японцы стали продавать свежий воздух в автоматах, а полицейские стоят на перекрестках в противогазных масках.

Вспоминаются другие задымленные города, большие, средние, маленькие, и об этой проблеме люди думают все настоятельнее. Ты можешь недоесть или недоспать, можешь быть

ОСТАНОВКИ

бедно одетым или несчастным в личной судьбе, но, чтобы жить, каждую секунду тебе нужна порция чистого воздуха, кислорода. Технический прогресс, улучшая жизнь людей, одновременно становится нашим конкурентом в потреблении этого невидимого и невесомого дара природы. Невесомого? Посмотрите, какую весомую меру для него обусловило развитие техники: реактивный лайнер при перелете через Атлантический океан или Сибирь сжигает сорок тонн кислорода! А ведь одновременно в атмосфере находятся многие тысячи самолетов, и число их непрерывно и скачкообразно растет. За последние пять лет количество взлетов и посадок только на гражданских аэродромах ФРГ, например, возросло с двух до пяти миллионов! Потребляют кислород автомобили, тепловые электростанции, заводы, фабрики, суда. А дыхание живых существ, естественные процессы гниения, окисления, вулканическая деятельность? Лесные, степные и тундровые пожары, число которых, несмотря на всю теперешнюю технику охраны и тушения, заметно не уменьшается на земле, сжигают неимоверные объемы кислорода и уничтожают природную среду, вырабатывающую кислород. Есть тревожные наблюдения за повышением температуры земли и научные расчеты, предрекающие неисчислимые беды земной жизни, если количество углекислого газа в атмосфере будет расти даже сегодняшними темпами. Атмосфера, правда, содержит еще колоссальные запасы кислорода, только это мало утешает, потому что каждый живет в своей микросреде; жители многих городов и промышленных районов мира уже ощутимо чувствуют на себе кислородное голодание, хотя и не всегда связывают с ним потерю аппетита, бодрости, трудоспособности, головные боли и обмороки...

В Стокгольме, повторяю, дышится легко, несмотря на обилие автомашин. Сказывается, конечно, близость моря с его свежими ветрами и огромными резервами чистого воздуха. Но Лос-Анджелес — тоже приморский город, а люди в нем задыхаются и даже гибнут от удушливой смеси из тумана, дыма, промышленных и автомобильных газов. Сравнительно недалеко от моря расположен и Лондон, первый на земле производитель смога; эта отравляющая смесь двадцать лет назад только за одну неделю убила четыре тысячи жителей британской столицы, а десять лет назад — семьсот человек.

Стокгольм не знает, что такое смог. Почему?

Осматривая город с высокой точки, обращаешь внимание на просторную планировку, на обширные, хорошо продуваемые ветрами акватории, и все время никак не можешь отделаться от навязчивой мысли, что городу этому не хватает чего-то обязательного, характерного для всякого большого людского поселения. Ах, вот в чем дело! В Стокгольме нет ни одной дымящей трубы. Больше того, в городе нет и недымящих труб, которые в иных местах вроде бы бездействуют, а на самом деле постоянно выбрасывают в атмосферу хорошо очищенные от аэрозолей невидимые отравляющие газы. Как стокгольмцы обходятся без труб? Это же не курортный Канн или, скажем, Ялта, не административно-чиновничий Вашингтон или Бразилиа; Стокгольм — индустриальный центр Швеции, в нем много крупных промышленных предприятий. Интересно бы побывать на одном из них.

«Альфа-Лаваль». Эта солидная фирма до недавнего времени называлась акционерным обществом «Сепаратор», и, оказалось, я близко, намного ближе, чем в этот раз, познакомился с ним почти сорок лет назад.

А дело было такое. После революции мои родители с Рязанщины переехали в Сибирь налегке, взяв самое дорогое. Отец вез немецкий бондарный инструмент, мать — ручной шведский сепаратор. Со временем они завели коровенку, и сколько же радостей в раннем детстве доставила эта шведская машинка мне, моим сестрам и братьям! Мать, бывало, крутит ручку сепаратора, а мы сидим вокруг, слушаем его ласковое урчание и нетерпеливо ждем, глотая слюни, когда получим в свое распоряжение металлические тарелочки, покрытые пленкой восхитительного продукта — крапинками масла в остатках сливок и обрата. «Separator» было первым иностранным словом, которое я прочел, еще не умея как следует читать по-русски...

А тут я узнал, что «Альфа» — это название той самой сепараторной тарелочки, а «Лаваль» — фамилия. Фирма основана в 1883 году, вскоре после того, как шведский ученый Густав де Лаваль изобрел первый в мире сепаратор для отделения от молока жировых шариков. Новшество произвело революцию не только в молочной промышленности. Появились сепараторы для очистки смазочных масел, мазута, производства дрожжей, потом промышленные центрифуги и установки для комплексных процессов: центрiблад обезвоживает кровь при производстве кровяной муки, центривей извлекает протеин из сыворотки, центримил выделяет из туш забитых и павших животных технический жир, центрипюр используется в мыловарении, центрифайн очищает жир, центрифил вырабатывает рыбий жир и рыбную муку, центрифлоу извлекает протеин из мясных отходов и так далее. Все эти машины выпускают ныне заводы «Альфа-Лаваль». Да чего они только не выпускают в Швеции и других ста десяти странах! Теплообменники, пастеризаторы, охладители, насосы, дистанционно управляемые клапаны, доильные установки, автокормушки, автоматизированные молочные и сыродельные заводы, оборудование для выработки мыла, клея, крахмала, фруктового сока, антибиотиков, фармацевтических препаратов, варочные установки для получения целлюлозы, искусственных удобрений, пластиков, опреснители морской воды и — снова я должен написать — так далее.

Но все же основная продукция, составившая добрую репутацию «Альфа-Лаваль»,— оборудование для переработки молока, извлечение и рафинирование жиров из различного животного сырья. Кстати, мы иногда слишком односторонне понимаем широкий и глубокий процесс охраны и приумножения природных богатств. Ведь инженер, создавший машину, помогающую извлечь максимум пищевого продукта из такого сырья,— защитник природы не меньший, чем лесовод, выращивший добрый лес. Эта машина высвобождает площади выпасов для того же леса, предупреждает истощение рыбных запасов моря, экономит пахотные земли, занимаемые масличными и злаковыми культурами.

С нашей страной «Альфа-Лаваль» поддерживает стародавние, прочные контакты. Ручные сепараторы для крестьянских хозяйств были первыми поставками фирмы молодому социалистическому государству. Директор «Альфа-Лаваль» Гуннар Перен рассказывает, что за последние годы концерн поставил нашей стране семнадцать молочных комбинатов, десять автоматизированных заводов, десять автоматических линий для производства творога и сгущенного молока. Недавно заключен новый большой контракт — «Альфа-Лаваль» построит в Чертанове, под Москвой, один из лучших в мире автоматизированных молочных заводов, который будет перерабатывать за сутки семьсот пятьдесят тысяч литров молока.

Интересно, что с 1965 года «Альфа-Лаваль» вместе с другой фирмой приняла на себя представительство по реализации в Швеции советских металлообрабатывающих станков. Продано уже несколько тысяч станков нашего производства. При посредничестве «Альфа-Лаваль» шведские промышленники только что сделали большой заказ на наши станки с программным управлением. Специалисты «Альфа-Лаваль» встречаются с советскими инженерами, проводят совместные симпозиумы, обмениваются опытом и производственной информацией, участвуют в советских ярмарках и промышленных выставках.

Мне любопытно было услышать также, что специалисты и рабочие «Альфа-Лаваль» за последнее время внесли непосредственный вклад в дело охраны природы: начали выпускать современное надежное оборудование для химической и биологической очистки сточных вод с применением знаменитой шведской нержавейки и других легированных и чистых металлов, в том числе для особо активных жидкостей — титана. Фирма проводит также лабораторные опыты и промышленные эксперименты, рассчитанные на потребности будущего. Господин Перен рассказал нам, что фирма исследует возможность получения пищевого (не кормового!) белка из зеленых листьев деревьев, потому что мир испытывает острый белковый голод.

Поучительно было бы рассказать еще о многом другом, что я увидел на «Альфа-Лаваль»,— только это заведет далеко от основной темы. Загрязняют ли воздух предприятия фирмы — вот что мне тут хотелось узнать. Оказывается, нет. В Стокгольме и его пригороде Тумба работают несколько заводов «Альфа-Лаваль», выпускающих паровые котлы, насосы, молочные и промышленные сепараторы, испарители, измерительные приборы и — опять же — так далее. Ни дыминки не поднимается от них. Это объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, заводы эти сборочные; первичное производство раскидано по другим районам страны. Во-вторых, питаются они энергией, текущей по проводам с далеких и близких станций. Этим правилам следуют и другие промышленные предприятия Стокгольма, в котором давно уже не сжигаются уголь и торф, не спекается кокс, не варится целлюлоза, не плавятся руды. И во всех кухнях стокгольмских домохозяек — электроплиты.

Итак, в Стокгольме всегда свежо.

Истины ради следовало бы добавить, что в отопительный сезон, когда в городе начинают работать индивидуальные нефтяные печи, а замершая на зиму зелень не помогает дышать, качество стокгольмского воздуха ухудшается, что особо чуткие электронные приборы обнаруживают в пробах, взятых над центром, частицы молибдена, алюминия, магния, кремния и других элементов. Есть также в старых кварталах средневековые, узенькие, плохо продуваемые улочки, есть улицы с очень интенсивным движением, но тоже тесноватые однако обычно воздуха в шведской столице не замечаешь, и это верный признак того, что он все же чист.

Не сказал я еще ни слова о великом благе, созданном здешней природой и здешними людьми,— стокгольмской зелени. Вековые деревья на городских площадях, улицах и набережных, скверы, цветники и газоны, лужайки и обширные луга, просторные парки, ухоженные аллеи, рощи и почти что первозданные заросли. Есть на окраинах города улицы, кварталы и целые районы, имеющие вполне дачный вид: утопающие в зелени жилища богатых, маленькие сборные домики людей среднего достатка и незнакомые пока нам одноэтажные кооперативные дома с парадными дверьми в разные стороны. В таком доме, который шведы окрестили «Большим Змеем», живут пять-шесть семейств, и каждая имеет крохотный кусочек земли для сада-огорода или полоску берега с причалом. В Стокгольме немало можно увидеть новых домов, окруженных соснами, бережно сохраненными при застройке, а в старых районах, где нет ни клочка свободной земли, много зданий оплетено какой-то ползучей цепкой лозой—кирпича под зеленью не видно. Хорошо!

Не всегда мы по достоинству оцениваем нашего бессловесного зеленого друга. Общеизвестно, что растения — единственные на планете производители кислорода. А земная жизнь, в том числе жизнь человеческая, существует единственно потому, что зеленая растительность улавливает энергию солнца, которая претерпевает в живых организмах бесчисленные преобразования. Дерево, кроме того, поглощает углекислый газ, дает тень, осаждает на себя пыль, пригашивает городские шумы, ионизирует воздух, убивает фитонцидами болезнетворных микробов, улавливает и аккумулирует некоторые вредные излучения. Благородное величие стволов и крон дает отдохновение глазу, а их безмолвие и покой лечат душу от суетливости. И есть в отношении человека с живым деревом такое, чего он не может пока назвать словом. Мы, должно быть, инстинктивно понимаем свою зависимость от этого кроткого, беззащитного и безмолвного существа, в котором таятся бездонные тайны жизни. Художники и философы прошлого чувствовали эту нерасторжимую связь. Великий Пушкин писал: «В двух шагах от дома рос молодой кипарис; каждое утро я навещал его и к нему привязался чувством, похожим на дружество».

Знакомясь с зеленым строительством Стокгольма, я по достоинству оценил шведскую предприимчивость и расчетливость. Люди, занимающиеся озеленением города, порекомен-

К. Добрайс (Даугавпилс). СОБРАНИЕ.

Всесоюзная художественная выставка «СССР — наша Родина».

О. Богаевская (Ленинград). НА ДАЧЕ.

Всесоюзная художественная выставка «СССР — наша Родина».

дуют для того или иного района соответствующие древесные или кустарниковые породы, удобрения и методы ухода, привезут, посадят, польют растение и, что мне больше всего понравилось, выдадут на него гарантию: если за два года дерево не прижилось, оно бесплатно заменяется новым. Нет, не прав был Киплинг, написав, что люди и деревья не живут вместе...

О людях и деревьях я со многими говорил в Стокгольме. Журналист Рольф Бернер, один из первых моих шведских знакомых, спросил:

— А вы что-нибудь слышали о «вязовой войне»?

— Нет, что за война? Шведы ведь давно не воевали.

— Ну, это было настоящее сражение! — У Рольфа воодушевленно заблестели глаза.— Знаете сквер, где стоит памятник Карлу Двенадцатому? Вот там все и произошло. Шум был на всю Швецию. Этот «вязовый бунт» сыграл роль нравственного, я бы сказал, детонатора...

Иду по Королевскому скверу. В большой эстрадной раковине только что танцевали и пели наши моряки. Советские военные корабли прибыли в Швецию с дружеским визитом, бросили якорь в центре города и неделю украшали ночной Стокгольм своей праздничной иллюминацией. Шведы толпами приходили на набережную и любовались гирляндами лампочек, очерчивающими в темноте стройные профили кораблей. А в Королевском сквере моряки дали большой концерт художественной самодеятельности, с которого я унес неожиданное и сильное впечатление. Признаться, к концертам такого рода наш зритель попривык, может быть, даже чуток набалован ими, а я тут посмотрел на шведов. Зрителей собралось тысяч пятнадцать. Боже, как они аплодировали, как приветствовали каждый номер, каким интересом и восторгом горели их глаза! И никаких признаков знаменитой скандинавской сдержанности.

Стокгольм беден массовыми зрелищами, театр тут не в моде, и вообще культурная жизнь несколько скудновата и пресновата, а модернистские потуги в выставочных и концертных залах лишь усиливают это впечатление. Досуг очень и очень многих горожан ограничивается «жевательной резинкой для глаз», то есть телевизором, пикантной киношкой, и, видно, всем тут порядочно приелись патлатые хилые хиппи с их вульгарными концертами, примитивные уличные фокусники, юные нищие с аккордеонами. И вдруг необыкновенно бодрое, живое, молодое, светлое, крепкое, с огоньком, с открытыми улыбками, лихим матросским переплясом, с завораживающими, незнакомыми здешнему уху музыкальными переборами. Здорово получилось, просто молодцы братишки!..

Моряки давно разъехались по кораблям, народ разошелся. Лишь на скамеечках Королевского сквера сидят и оживленно беседуют пожилые горожане, и мне показалось, что это они о концерте, потому что в другое время посетители этого зеленого уголка молча смотрят на деревья или внутрь себя. Старые узластые вязы источали благодатную прохладу, под ними было очень хорошо в тот теплый вечер. А прошлогодний бунт, о котором до сегодня помнит вся Швеция, начался именно из-за них.

Однажды в темный ночной час жители окрестных домов проснулись от воя бензопилы. Вскоре послышался треск сучьев и глухой удар дерева о землю. Люди повскакивали с постелей, в панике и гневе выбежали наружу. Да, начали пилить их вязы! Бросились к телефонам и подъездам будить знакомых и незнакомых. Тем временем рухнуло еще одно дерево. Толпа возмущенных людей росла. Окружили пильщиков, завладели бензопилами. Прибыла полиция. Рабочие приготовились выполнять дальше предписание властей, но весь сквер заполнили горожане, стеной встали вокруг деревьев. Утром об этом событии рассказали средства массовой информации. Несколько дней власти убеждали, настаивали и требовали. Вокруг Королевского сквера появились целые соединения полицейских. Блюстителей порядка вежливо и невежливо ссаживали с лошадей, а их собак угощали кусочками аппетитной колбасы и камнями. Лагерь защитников вязов все рос. Люди тут ночевали, ели, читали, пели, приходили сюда на дежурства после работы и спали прямо на земле. Появились плакаты и ораторы. Шведы в принципе относятся с уважением к памяти Карла XII, того самого, что когда-то оказался юношески непредусмотрительным под Полтавой, а тут какие-то озорники влезли на бронзовый монумент воинственного короля и прикрепили к его мечу большую двуручную пилу...

Точки зрения стокгольмцев на «вязовую войну» кардинально расходятся. Вязы мешали строить станцию метрополитена, в которой этот район города остро нуждался. И почему бы не поступиться частью зеленого убранства столицы, если это для удобства населения? Станцию метро ведь все равно строят. Так что «вязовый бунт» и шум вокруг него, говорят некоторые,— пустое, никчемное дело. Им горячо возражают другие стокгольмцы. Все, мол, не так! Кто же выступает против метро? Вязы хотели спилить совсем по другой причине. Богатые торговцы задумали встроиться со своими магазинами в станцию, и вскрышные работы сразу резко возросли. Сейчас проект изменен, торгаши отстранены. Выход метро несколько переместился, вязы остаются...

Вечер у Рольфа Бернера. Этот стокгольмский журналист прям и резок в оценках, серьезен в подходе к большим вопросам, откровенен и последователен в разговоре, а мне такие люди нравятся. Рольфа волнуют политические, социальные проблемы. Только что вышла его книга, и он дарит ее мне. Называется она «Kolchos», что в переводе означает «Колхоз». Рольф жил в одном из хозяйств Смоленщины, работал и ел с колхозниками, беседовал с ними, фотографировал их, рылся в колхозном архиве и в подшивках местных газет. Книга эта — об истории, экономике, культуре, о трудностях роста и достижениях рядового нашего колхоза, о его людях и проблемах. Рольф считает, что коллективизация была исторически неизбежной, единственным для нас способом покончить с массовой бедностью, отсталостью в земледелии, чересполосицей, все время подчеркивает роль колхозного строя в судьбах страны и людей.

— Без него было бы куда трудней справиться с Гитлером,— говорит он.— И какой бы был это сейчас колхоз, если б он не потерял в войну сто шестьдесят мужчин!

Живет Рольф Бернер в стокгольмском пригороде Накке — «ленточном городе», к которому примыкает большой лес, покрывающий береговые скалы Сальтшёна.

— Идемте,— приглашает хозяин.— Не пожалеете.

Внизу, у корней могучих стволов, было сумеречно и влажно, как в тайге, а на вершинах, в лучах закатного солнца, еще пели птицы. Надо бы сказать тут о стокгольмских птицах. В городе их тьма-тьмущая. И не сизарей, не галок, не воробьев — типично городских птиц, а самых настоящих лесных пернатых. Вот стайка синиц обрабатывает кустарник среди шумной улицы, вот вровень с моим окном спиралью поднимается по сосновому стволу поползень, обирая свои старые захоронки, вот выводок дроздят во главе с хлопотливой мамашей роется в земле под скамейкой, на которой сидят люди. Летом сорока редка, а в Стокгольме эти белобокие крикуньи стрекочут повсюду и больше всего любят посудачить на заборах, покачивая своими черными ромбическими хвостами и воровато озираясь. А однажды в городском шуме я услышал знакомые глухие звуки, будто дятел долбил неподатливую сухую древесину. Откуда тут дятел, если кругом дома, провода и автобусы? Но это был действительно он. Вершина одинокой сосны виднелась из-за крыши, и большая пестрая птица старательно долбила голый, умерший сук. И совсем уж я подивился, увидев в сумерках, как меж старых вязов вокруг нашего посольства бесшумно летает сова.

Больше всего в Стокгольме, однако, чаек и уток. Ну, чайку-то и ее манеры все знают. Сильные, острокрылые птицы парят и прядают над водой, бросаясь за куском хлеба или рыбешкой, пронзительно кричат, ссорятся между собой из-за всякого пустяка. В Стокгольме чайки чувствуют себя хозяевами — садятся на фонарные столбы, шныряют меж фонтанных струй, ходят по улицам, как у нас голуби, даже погуще.

Но самое, пожалуй, поразительное в пернатом населении Стокгольма — утки. Увидев их в первый раз, я подумал, что это домашние. Лежат рядком на газоне, в двух шагах от них прошмыгивают автомобили, топают прохожие, а они спят себе, безмятежно запустив головы под крыло. Их тоже будто бы не замечают — никто не смотрит на них, не пугает, не фотографирует, и утки лениво поднимаются с места лишь тогда, когда стрекочущая машинка для стрижки газонов осторожно толкает их в бока. По оперению селезня я узнал, что это сизые дикие кряквы, и вспомнил, как несколько лет назад мировую прессу обошел один стокгольмский снимок — репортер зафиксировал цепочку уток, невозмутимо и важно переходящих большую улицу. Не знаю, какой там огонь горел в светофоре, но все движение остановилось. Дикие утки в Стокгольме кормятся, зимуют, выводят на шхерах залива и озера потомство. Они не одомашнились, но и дикими их уже едва ли можно называть. Ручными тоже, потому что никто не пытается их взять в руки. Скорее это особые городские птицы, которым нет никакого дела до того, что рядом живут торопливые бескрылые существа со всеми их шумными машинами...

С Рольфом Бернером мы шли старым, имеющим вполне «дикий» вид, лесом. Вот огромный, загораживающий полнеба вяз с табличкой, прикрепленной почему-то, правда, не рядом к столбику, а прямо к стволу. Под тремя коронами значится «Natur minne», то есть «памятник природы». В обхвате этот гигант 425 сантиметров, высота и возраст не указаны.

— Как не понять тех, кто вел «вязовую войну»?—говорит Рольф, обходя вяз вокруг.—Мы, шведы, любим свои вязы за то, что это единственные свидетели жизни наших прадедов. Какая демонстрация мощи природы! Кроме того, в «вязовой войне» была одержана моральная победа — народ, который всегда прав, настоял на своем... Пошли? Идемте, идемте, не пожалеете...

Мы вышли на берег Нюккёльвикена — Ключевого залива. Рольф ревностно заявил, что под Стокгольмом другого такого фиорда нет, замолчал, не мешая мне, и я это оценил. Залив прихотливо, изломисто врезался в берег. Отвесные, рваные скалы картинно отражались в глубокой черной воде, над ними цвел яркой зеленью хвойный лес, подсвеченный последними лучами невидимого солнца, и золотая пыльца тихо точила с вершин. Вода, скалы, лес, закатный солнечный цвет и густые тени создавали сказочную гармонию первородных красок. Почудилось, что вот-вот в заливе появится ладья богатого гостя Садко, а из-под лесной сени выйдут на камни викинги в железных своих доспехах...

Поверху скалы были сглажены ледником, они струили тепло, а снизу текла по расщелинам свежая прохлада. Наступала белая ночь. И без того мягкие краски пригашиваются, размываются. Огни Стокгольма мерцают далеко, призрачно, словно удаляясь или собираясь погаснуть. Тишина, только вдали на шхерах и в завораживающем глаз смутном просторе едва уловимо кричат чайки.

— Т-сс! — услышал я и вздрогнул, дождавшись все же сказки. Неподалеку от берега, на недвижной глади залива, вдруг обозначился лебедь. За ним беззвучно и очень-очень медленно явились еще три царственные птицы. Горделивые головы на изящно изогнутых шеях, белоснежные, словно ватные крылья, зеркальное отражение птиц в темной воде — истинное чудо жизни! Нет, люди раньше понимали и ценили красоту природы не меньше нас — недаром у многих народов убийство лебедя издревле считается тяжким грехом. Накануне я видел в городе лебедя, постоянно живущего у многолюдной набережной, и вдоволь посмеялся над ним. Какая-то старая женщина кормила кухонными остатками уток, они топтали ей ноги, всполошенно крякали, рвали друг у друга пищу, глаза их блестели от жадности. А лебедь вежливо подошел сбоку, взял женщину клювом за плечо и осторожно потянул в сторону: мол, вы понимаете, что мне недостойно отбирать у уток еду или вступать с ними в полемику, но неужели вы-то не видите, что я пришел?..

Лебеди растворились, как мираж, в прозрачном тумане, а мы с Рольфом пошли назад, переступая через больших черных слизняков, выползших с темнотой на тропу. Темно было только здесь, внизу, а в проемах брезжил не-

верный полусвет. Мы вышли на большую поляну, от которой отслаивался легкий туман. Вдруг по опушке леса мгновенно проскочило легкое, грациозное животное.

— Косуля?!

— Косуля,— подтвердил Рольф.

— Никогда бы не подумал, что в пригороде такого большого города могут бегать косули.

— А меня, между прочим,— возразил Рольф,— просто потрясло, что у вас везде бродят лоси. Такие красавцы!.. А вы, кстати, заметили, как испоганен Ключевой залив?

Конечно, я видел, что в самом красивом месте фиорда гниет большая сплотка древесины, только не стал говорить об этом, чтоб не испортить впечатления. Гирлянда «сигар», скрепленная ржавым такелажем, набухла и притонула, бревна не окорены.

— С осени лежит,— сказал Рольф.— Залив изуродовала, настроение тысячам людей испортила.

— Конечно, это непорядок,— подтвердил я, хотя мне хотелось выразиться покрепче, потому что сплотка «сигар» в этом сказочном месте не только зрительное загрязнение. Разлагается древесная кора, гноит воду, отравляет рыбу, дубильные вещества разрушают икринки, и ни один малек этим летом тут не выведется. Давно надо бы узнать, что за компания так набезобразничала, дать снимок в газету с соответствующей подписью или плакат укрепить на бревнах. Но тысячам людей, отдыхающих здесь, видать, некогда, а общества охраны природы в Швеции нет. Я сказал, однако:

— Но у вас даже в центре Стокгольма ловят рыбу прямо с моста.

— Это какой-то особый обожатель поплавка,— возразил Рольф.— Рыбу его есть нельзя.

— Почему?

— Ртуть. Проблема, неизвестная у вас.

Мы заговорили о двойственном воздействии на человека технического прогресса, о том, что практически на каждом шагу сейчас можно встретить болезненные противоречия в использовании окружающей среды. Вот несколько лет назад через окрестности Ключевого залива прошла шоссейная дорога. Сократила какие-то расстояния, сберегает людям время и средства — меньше требуется горючего и смазки, дольше служат машины. Все эти выгоды можно подсчитать на канцелярских счетах. Но та же дорога привела в первозданную природу стада ревущих транзитных грузовиков, извергающих едкую отраву, сушит воздух асфальтом и каменными разломами, а главное, уничтожила в этом прекрасном лесном уголке единственную речку, в которой веками журчала прозрачная пресная вода. Дорога перерезала своим полотном и кюветами водосборные склоны, нарушила природную фильтрацию грунтовых вод, ручей умер. На каких электронных машинах можно теперь подсчитать урон, нанесенный почве, растениям, животным, то есть природной среде, и в конце концов людям, которые тысячами гуляют здесь, купаются, загорают, ловят рыбу, ходят на лыжах? И мне вдруг вспомнилось, что великий Данте представлял себе рай в виде леса с бегущим сквозь него ручьем... Мое знакомство со страной только начиналось, и я не знал еще, что скоро увижу куда более огорчительные вещи, связанные с обеднением природы Швеции, с социальными, почти тупиковыми проблемами ее.

Многоэтажные дома, в одном из которых живет Рольф Бернер, подступили к самому лесу. От Ключевого залива мы дошли сюда минут за пятнадцать, и я все оглядывался назад, вспоминая вяз-великан, гладь извилистого фиорда, камни, простор, лебедей и косулю. А тут, рядом со всем этим, такие же дома, как у нас в Кунцеве или Хорошево-Мневниках.

— Растет Стокгольм,— осторожно сказал я.

— Нет,— понял Рольф.— Эти дома последние. Решено прекратить застройку, лес и залив не трогать.

— Но городу куда-то надо расширяться...

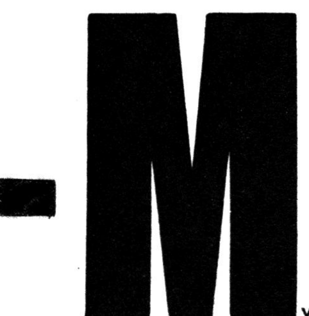
— Если начнут тут дальше строить,— сказал Рольф,— я уйду в партизаны.

И даже не улыбнулся. Мне было полезно это знакомство и приятно, потому что Рольф — коммунист, и я мог в разговоре употреблять привычное обращение «товарищ».

Продолжение следует.

БЕДСТВ

Ин. ПОПОВ

Музыка должна высекать огонь из сердец людей,— утверждал в свое время Бетховен, этот Прометей-победитель в искусстве, по образному слову Роллана... И она действительно высекала огонь из сердец людей тысячелетиями. Обратите внимание хотя бы на тот факт, что миф об Орфее, силой своего искусства укрощавшем диких зверей и сдвигавшем горы, в разных вариантах, подчас весьма далеких, но объединенных центральной идеей почти магической мощи музыки, повторяется в творчестве самых различных народов.

Однако бедствие или благо музыка в жизни современного человека? Научно-техническая революция, что касается искусства, прежде всего и главным образом встала на службу именно музыке. Еще робкие провозвестники ее в начале двадцатого века сделали неоценимое благо: первые, пусть и самые несовершенные граммофоны понесли высочайшие образцы исполнительского мастерства прямо в дом, в семью. Техника звукозаписи быстро совершенствовалась. В программах радиовещания музыка также первой получила почетнейшее и важнейшее место. Зрительный ряд в робко рождавшихся, но стремительно набиравших силу каналах массовой информации все время оказывался «во втором эшелоне». Кино еще только начало осваивать цвет, телевидение было «телеелевидением», согласно каламбурам досужих остряков, а музыка уже располагала превосходными записями Шаляпина и Рахманинова, Тосканини и Крейслера. И временна́я дистанция между музыкой и другими видами искусства на «беговой дорожке» научно-технической революции сохраняется. Стереофоническая запись, транзисторный радиоприемник, магнитофон — все это по массовости проникновения в быт идет далеко впереди видеопленки и кассетного кино на дому. Не будем гадать, что нас ждет впереди. Посмотрим, как обстоит дело сегодня.

Да, великое, поистине неоценимое благо — магнитофон, стереопластинка, транзистор! В любой момент каждый из нас, нажав на клавишу проигрывателя, на кнопку транзистора, способен вызвать к жизни пение Карузо и Козловского, игру Рихтера и Софроницкого, звучание оркестров под управлением Караяна, Голованова, Мелик-Пашаева, Светланова, Рождественского... Нам подвластно все. Мы можем, сидя в обычной квартире, добиваться эффектов стереозвучания залов Большого театра и театра Ла Скала. Можем, гуляя в лесу, держа в руках полукилограммовый транзистор, слышать в чудесной близи лучшие образцы музыки, какие только мыслимы. Мы можем вызвать из небытия прошлое с глубины более чем полустолетия. Можем услышать игру Бузони и Скрябина, пение молодых Александра Вертинского и Мориса Шевалье. Музыкант, любитель музыки в состоянии теперь в любой момент произнести заклинание Фауста: остановить то мгновение музыки, которое оказалось прекрасным, и повторять его, тиражировать через звукозапись бессчетное количество раз. Все сейчас подвластно магнитофону, проигрывателю и транзистору. Любой замысел композитора, любое творческое свершение исполнителя мгновенно могут быть переданы и передаются самой широчайшей, многомиллионной аудитории.

Какой неоглядный простор! Какие необозримые перспективы! Всего лишь сто лет назад классики ни о чем подобном даже и мечтать не могли. Шуберт не услышал ни разу ни одного своего симфонического произведения. Мусоргский несколько лет ждал премьеры «Бориса Годунова». Касательно ряда партитур Иоганна Себастьяна Баха так и не ясно, удалось ли их услышать автору. Композитор должен был обладать из ряда вон выходящей энергией Генделя и Вагнера, чтобы добиваться исполнения всех своих сочинений. Но и это, как правило, были премьеры, на которых присутствовали лишь сотни людей. И только! Затем же часто симфонии, кантаты, оратории и другие исполнительски сложные произведения звучали раз-два в сезон, да и в случае слушательского успеха. Операм везло несколько больше. И театральные залы были значительнее по размерам, и ставились спектакли чаще. Не случайно Чайковский так горячо утверждал, что опера и только опера роднит композитора с массовой аудиторией. Но настолько ли тесным и прочным было это родство? Обычное посещение оперного спектакля и тем паче симфонического концерта, которые в течение сезона даже в Петербурге и Москве исчислялись единицами, было событием для среднего слушателя. Что же касается непосредственного знакомства с исполнительским искусством, скажем, Листа, Полины Виардо, то это был удел немногих счастливцев. Легки и доступны для массового слушателя были только песня, бытовой романс, некоторые хоровые жанры, музыка для духовых оркестров. Поистине, если в этом ракурсе сравнить век нынешний и век минувший, то верится с трудом.

И все же бедствие или благо музыка в жизни современного человека? Неумолимые законы диалектики создали в данном случае отрицательную по последствиям, взрывную цепную реакцию столь ошеломляющей силы, что, если не принять самых энергичных мер для ее обуздания, будущее музыки в нашей жизни видится в тревожном свете. Допускаю, что я сгущаю краски, произнося эту фразу. Но так ли уж сильно сгущаю?

Все стало возможно. Все доступно. То, что раньше было событием, превратилось в бытовую повседневность. Родилось страшное для искусства высокомерное равнодушие к нему. Подумаешь, Святослав Рихтер! Да я его если и не слышал, то в любой момент могу услышать, рассуждает современный мещанин-«интеллектуал». Оборотная сторона медали всеобщей доступности высочайших образцов искусства сказывается и в кино и в театре. Сколь-

Е ИЛИ БЛАГО?

ко уже справедливо писалось о вреде знакомства с ними, сидя в домашних тапочках, попивая чай, разговаривая с друзьями и искоса поглядывая в телевизор! Но музыке еще хуже. Очень часто ее слушают совсем уж равнодушно. Слушают, не слыша всей ее прелести и образной глубины. Слышат, не слушая содержания произведения, не стремясь вникнуть в замысел композитора, постигнуть мастерство исполнителя.

Все чаще возникает усталость от музыки, своеобразная «музыкальная апатия». Вспомните хотя бы, сколько раз каждый из нас слышал Первый концерт для фортепьяно с оркестром Чайковского в наивиртуознейшем исполнении через транзистор. Слышал, но не слушал. Даже не поинтересовался, кто исполнял, откуда шла трансляция. Поразительное равнодушие! Ведь еще во времена, когда жили герои пьес Чехова, стоило заиграть плохонькому полковому оркестру, и все жители сбегались послушать его. Но так ли уж виноват в равнодушии этом современный человек?

Море, океан музыки окружает теперь нас. Считая с утренней зарядки и до поздних вечерних радиопередач, мы получаем ежедневно порцию музыки протяженностью в несколько часов. На пляже, в парке культуры и отдыха, в санатории, в купе поезда, на палубе парохода принудительная норма ее «ежесуточного потребления» приближается к угрожающим пределам, за коими уже может потребоваться вмешательство врача.

Это вовсе не утрировка и не звонкая фраза. «Перенапряжение музыкой», как и любыми звучаниями, окружающими нас, отнюдь не безвредно. Специалисты утверждают, что, когда звуки переутомляют слух человека, сердце ускоряет свою работу, сосуды расширяются, начинаются судороги желудка и кишечника: сам человек может не замечать этих симптомов, но они, конечно, не проходят бесследно для организма. Кстати говоря, мышата, облучаемые в течение 30 секунд звуком силой в 100 децибел, начинают биться в судорогах и затем погибают. Мучительнейшая казнь под колоколом, описанная в свое время в «Саде пыток» Октава Мирбо, может быть вполне реальным явлением. Напомню еще, что в печати уже неоднократно проскальзывали сведения, из коих явствовало, что контрразведки некоторых стран пытались, и весьма успешно, использовать музыку в качестве изощреннейшего орудия пытки.

Разговор неприметно соскользнул в, казалось бы, далекую от центральной темы «физиологическую» сторону. Но хотя бы краткое обращение к ней было неизбежно и необходимо. Дело в том, что музыка, окружающая нас, кроме всего прочего, часто попросту чрезмерно громка. Кричат на фортиссимо, стараясь перекрыть друг друга по мощи звучания, транзисторы и репродукторы в местах массового отдыха. Чем моднее, чем «модерновее» эстрадный оркестр, тем непомернее он форсирует звучание. Даже в академически-благопристойном симфоническом концерте все большую власть забирают динамические нюансы и тембровые краски, от кричащей резкости которых потеряли бы голову наши деды и прадеды. И мы невольно привыкаем к этому. Когда летним воскресным днем во дворе городского квартала стоит ужасающая какофония от нескольких десятков проигрывателей, непременно включенных на полную мощность и непременно выставленных на балкон или подоконник раскрытого окна, это кажется нам допустимым, нормальным явлением.

А может быть, не стоит так тревожиться из-за этого? Ведь многим людям музыкальные звучания подобного рода вроде бы нравятся. Во всяком случае, они к ним испытывают нечто вроде благосклонного равнодушия. Может быть, вообще человеку, включенному в бешеный, непрерывно динамизирующийся жизненный ритм современного большого города, необходима для снятия нервных напряжений не просто музыка, а кричащий, подстегивающий усталые нервы «музыкальный допинг»?

Нет, с этим согласиться нельзя. Прежде всего, что бы там ни происходило, нельзя сбрасывать со счетов «физиологический аспект» проблемы. «Музыкальный допинг» и здоровье человека (не только эстетическое, но и самое обыкновенное, в чисто медицинском понимании этого слова) находятся, как уже было сказано, в непосредственной зависимости. Любые перенапряжения, в том числе и «перенапряжения музыкой», не проходят бесследно для организма.

Более внимательный анализ массового музыкального быта показывает, что на «музыкальные допинги» стихийно возникает уже обратная реакция. Примечательно, что гитара, стремительно становящаяся все более популярной в самом массовом звене бытового музицирования, сама по себе есть инструмент скромных динамических нюансов и трактуется обычно любителями в качестве таковой. Можно, правда, возразить, что гитара в эстрадно-концертном варианте, с электроусилителем, да еще, так сказать, «в битловом наклонении» вполне может быть названа уже даже не «музыкальным допингом», а своего рода «музыкальной марихуаной». Но эстетическая наркомания этого типа оказалась, к счастью, даже у любителей подобных жанров сравнительно краткой, хотя и болезненно протекавшей эпидемией. Эстрадная песня, эстрадный оркестр в целом сейчас более склонны к нормальной, а отнюдь не кричащей шкале динамических нюансов по сравнению с тем, что было несколько лет назад. Господствовавшие во многих эстрадных программах грубые, резкие инструментальные краски, форсированное, то и дело срывающееся на истерический крик пение солистов начинают уступать место песням мелодичным, с нормальными динамическими нюансами, с душевно здоровым эмоциональным строем.

Впрочем, разговор начинает все более скользить между **как** и **что** применительно к массовым музыкальным жанрам. Разумеется, здесь, как и всегда в искусстве, одно неотделимо от другого. Важно не только то, как, в каких динамических нюансах звучит музыка вокруг нас, не только то, в каких дозах мы ежесуточно получаем ее. Важно прежде всего, какую музыку мы слышим и слушаем, какие мысли, чувства, образы, эмоции, в какой эстетической форме несет нам она. Ведь сколь нейтрально-равнодушно ни относимся мы подчас к музыке, лавиной обрушивающейся на нас по массовым информационным каналам, она воздействует на нас даже вопреки нашей воле, хотим мы того или не хотим. Какая же музыка окружает нас? Каково ее образное содержание? Как она воздействует на наши интеллект, эмоции, психику? Лишь ответив на эти вопросы, можно установить,— бедствие или благо музыка для современного человека.

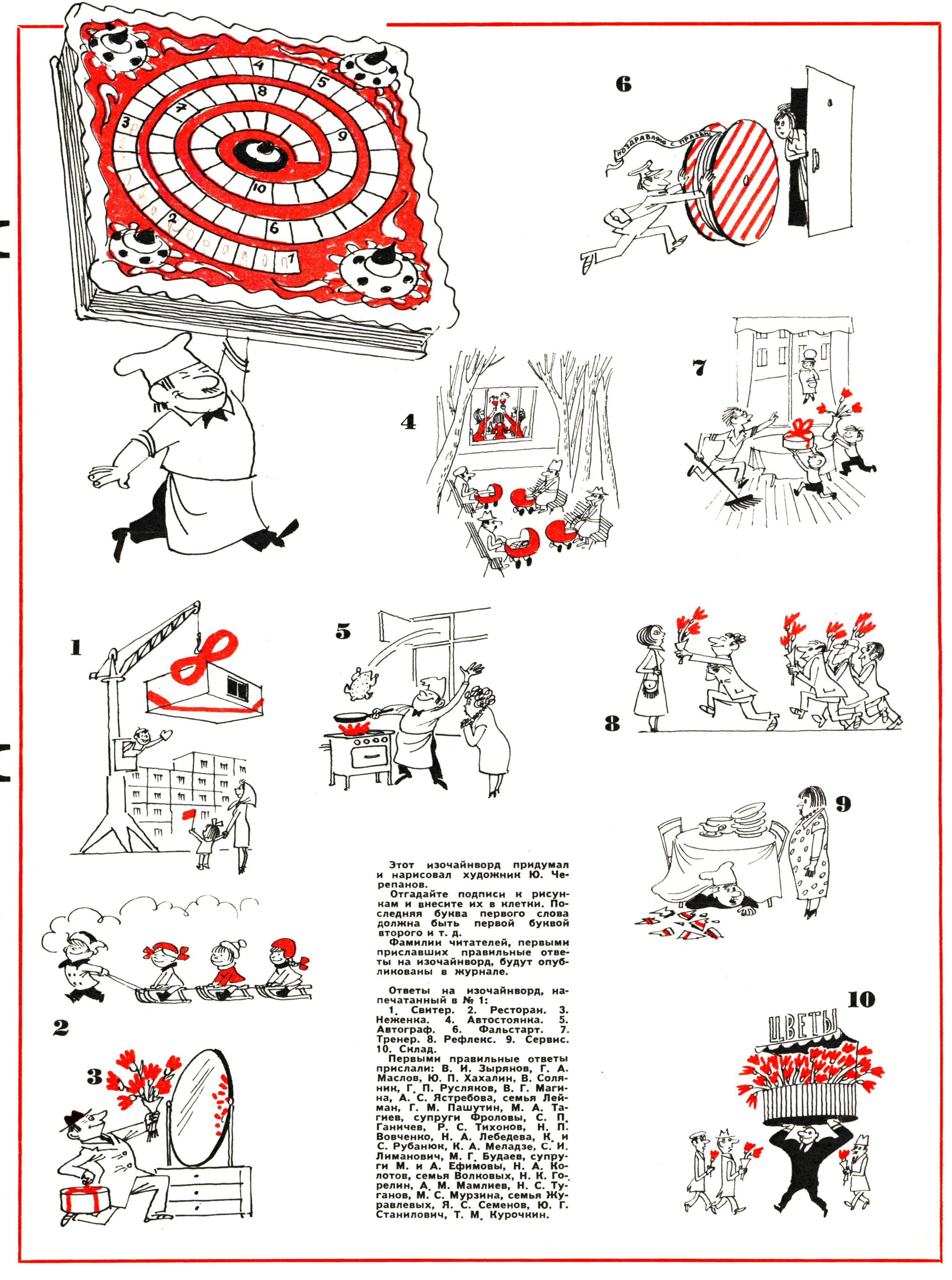
Безбрежно море современной музыки. Есть в нем, в море этом, и прекрасные сказочные острова классических шедевров и манящие, неизведанные дали нацеленных в будущее новаторских поисков крупных талантов. Есть в нем, в море этом, и чистые, бездонные глубины народных песен и замутненные, отравленные потоки «музыкального допинга», заражающего нас вирусом пошлости, губящего наше эстетическое здоровье.

Последние встречаются — по мере технического прогресса каналов массовой информации — в нашем плавании по морю музыки отнюдь не так уж редко. И это естественно. Сколь ни активна работа по эстетическому воспитанию, проводимая советским радио, телевидением и звукозаписью, в эфире и в мире, вообще в окружающей действительности существуют не только они. Есть в иных странах и дельцы от искусства, бизнес коих — эстетическое развращение масс. Существует и в музыке «массовая культура», специально запрограммированная на оглупление слушательских масс, опошление их вкусов. Все это так или иначе проникает к нам, воздействует на нас. Есть, разумеется, и люди, которые искренне не замечают всего этого, которые свой собственный опошленно-извращенный музыкальный вкус, сформировавшийся под активным воздействием «музыкального допинга», пытаются навязать окружающим. Конечно, каждый волен иметь свой эстетический вкус, свои пристрастия и антипатии в искусстве. Но настаивать на праве любить эстетическую пошлость в музыке, видимо, не стоит.

Кстати, кроме всего прочего, эстетическая пошлость агрессивна и наступательна. Вред, приносимый ею, чрезвычайно велик. Василий Павлович Соловьев-Седой неоднократно говорил о том, что одному музыкальному стиляге, вооруженному гитарой или магнитофоном, потребовалось бы противопоставить не менее ста учителей музыки и серьезных музыкантов, чтобы возместить нанесенный урон. Мысль крупнейшего советского композитора-песенника абсолютно верна. Музыкальная пропаганда, воспитание эстетических вкусов массового слушателя с первых лет Октября стали заботой и партийных организаций, и государственных органов, и различных общественных организаций. Успехи, достигнутые нами в этом отношении, поистине огромны. Не случайно давно уже наша держава находится во главе музыкальной культуры современности и в композиторском творчестве, и в исполнительстве, и в степени эстетической культуры массового слушателя. Нигде в мире нет такого количества переполненных оперных театров и филармонических концертных залов. Нигде в мире понятие «любитель музыки» не имеет столь огромного количественного выражения и столь эстетически высокого качественного содержания. Но мы живем не в вакууме. Есть и у нас немало людей, зараженных «вирусами музыкальной пошлости». Упускать из виду опасность наступления «музыкального допинга» ни в коем случае нельзя. Власть музыки в облагораживании и воспитании человека поистине безгранична. Но если музыка несет отрицательно действующий на человека эстетический заряд, то она же становится опаснейшим проводником мещанства и безвкусицы, отупления, примитивизации эмоций и интеллекта, ума и чувств.

Между прочим, если уж вспоминать сказочного Орфея, то стоит уточнить следующее. Античный миф, дошедший до нас в транскрипции римского поэта Овидия Назона, кончается тем, что легендарный певец был растерзан вакханками,— им не понравилось его пение. Как видим, проблема воспитания эстетических вкусов аудитории стояла остро даже в античные времена. Сейчас она стала стократ актуальнее.

ИЗОЧАЙНВОРД «ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ»

Этот изочайнворд придумал и нарисовал художник Ю. Черепанов.

Отгадайте подписи к рисункам и внесите их в клетки. Последняя буква первого слова должна быть первой буквой второго и т. д.

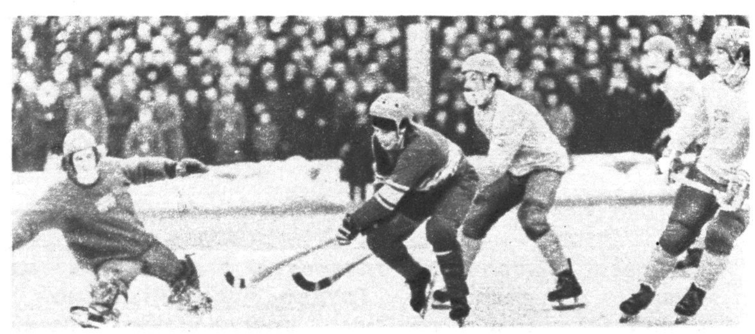
Фамилии читателей, первыми приславших правильные ответы на изочайнворд, будут опубликованы в журнале.

Ответы на изочайнворд, напечатанный в № 1:

1. Свитер. 2. Ресторан. 3. Неженка. 4. Автостоянка. 5. Автограф. 6. Фальстарт. 7. Тренер. 8. Рефлекс. 9. Сервис. 10. Склад.

Первыми правильные ответы прислали: В. И. Зырянов, Г. А. Маслов, Ю. П. Хахалин, В. Соляник, Г. П. Русляков, В. Г. Магина, А. С. Ястребова, семья Лейман, Г. М. Пашутин, М. А. Тагиев, супруги Фроловы, С. П. Ганичев, Р. С. Тихонов, Н. П. Вовченко, Н. А. Лебедева, К. и С. Рубанюк, К. А. Меладзе, С. И. Лиманович, М. Г. Будаев, супруги М. и А. Ефимовы, Н. А. Колотов, семья Волковых, Н. К. Горелин, А. М. Мамлиев, Н. С. Туганов, М. С. Мурзина, семья Журавлевых, Я. С. Семенов, Ю. Г. Станилович, Т. М. Курочкин.

ЖИВ МЯЧИК!

Хоккейным болельщикам со стажем, занявшим места на трибунах московского стадиона «Динамо», было о чем вспомнить: ведь здесь вокруг небольшого мячика некогда бушевали чуть ли не каждый день хоккейные страсти и именно здесь впервые в нашей стране появилась на льду шайба. С тех пор многое изменилось: хоккей ушел под крыши, и шайба стала властительницей льда. Не вытравила ли она окончательно давние симпатии москвичей к хоккейному мячику? Найдутся ли зрители у русского хоккея даже на уровне мирового чемпионата? Опасения оказались напрасными. Нет, не забыли москвичи своего давнего любимца, и борьба за самый высокий чемпионский титул четырех сильнейших команд мира неизменно привлекала зрителей.

Конечно, между двумя хоккеями — дистанция огромного размера, и если первые поклонники шайбы пришли из хоккея с мячом, то сейчас такое совмещение невозможно. Но разве от этого ледяной футбол, как иногда называют хоккей с мячом (скоро мы будем отмечать его семидесятипятилетие), потерял свою привлекательность? И разве советские команды стали за это время слабее? Ответ на тот и другой вопрос был дан в Москве. Советская сборная в восьмой раз завоевала первенство мира, не проиграв ни одной встречи, забив 32 мяча и пропустив только четыре. Шведская команда до последнего матча чемпионата, который она проводила со сборной СССР, теоретически еще сохраняла шансы на золотые медали, но для этого должна была победить с очень высоким разрывом. Шведы не только не смогли этого добиться, но в конце концов проиграли, правда, с небольшим счетом — 0 : 1. Таким образом, шведские хоккеисты заняли второе место, а финны, несмотря на проигрыш своего последнего матча норвежцам (это была единственная победа сборной Норвегии), стали бронзовыми призерами.

В советскую сборную входили хоккеисты Москвы, Свердловска, Хабаровска, Архангельска, Кемерова, Ульяновска, Алма-Аты — тех городов, где русский хоккей имеет наибольшее распространение. Именно там мячик по-прежнему чувствует себя как дома.

В. ВИКТОРОВ

На снимке:

Валерий Маслов забивает мяч в ворота шведской сборной.

Фото А. Бочинина.

СКАЗКИ И БЫЛИ ВАЛДАЯ

Старинную народную пословицу «Жизнь прожить — не поле перейти» в одном городе любопытно переиначили. Получилось так: «Жизнь прожить — вокруг Валдая обойти». Легко догадаться, что город этот — Валдай, а новая пословица обозначает большие пространства, лежащие вокруг красавца озера. Разумеется, озеро тоже зовется Валдаем...

Чтобы несколько сократить время путешествия, мы решили поехать вокруг Валдая на машине. Моя спутница Надежда Михайловна Абрамова, заведующая отделом культуры Валдайского райисполкома, во время поездки показывала то деревни, раскинувшиеся по берегам озера, то заводи, уходившие куда-то за горизонт, и при этом все их называла по именам, которые звучали удивительно: например, «Разбойничья Лука», «Долгие Бороды» и так далее. Сама Надежда Михайловна родом из деревни Борисово. Пяти лет пошла она здесь «в люди». Как ни горевала мать, пришлось отдать дочку в няньки за кусок хлеба.

— Вот тут наш дом и был,— сказала Надежда Михайловна и немного взгрустнула. Впрочем, ненадолго. Веселые голубые ее глаза вскоре опять заискрились, оживились. Она и по характеру и по работе неутомимый организатор, благодаря этому люди тут живут интересно, содержательно. Творческие коллективы клубов и Домов культуры на центральных усадьбах обмениваются спектаклями, концертами, выступлениями. А сколько бывает занятных, умных вечеров самодеятельности, смотров, соревнований!

Именно лучшие творческие коллективы стремятся сделать досуг людей не просто разнообразным, а наполнить его созиданием; в свободную минуту никто тут не сидит сложа руки, все что-то устраивают, затевают, придумывают...

Вот, скажем, городская детская библиотека. Вас приветливо встретит здесь Татьяна Семеновна Гормина и с увлечением расскажет о славных делах своих активистов. Но ведь и Горминой мало активности ее читателей. Многие ребята Валдая приходят еще и на спектакли кукольного театра, созданного Татьяной же Семеновной и руководимого ею так ревностно, будто вовсе нет у нее никаких других забот.

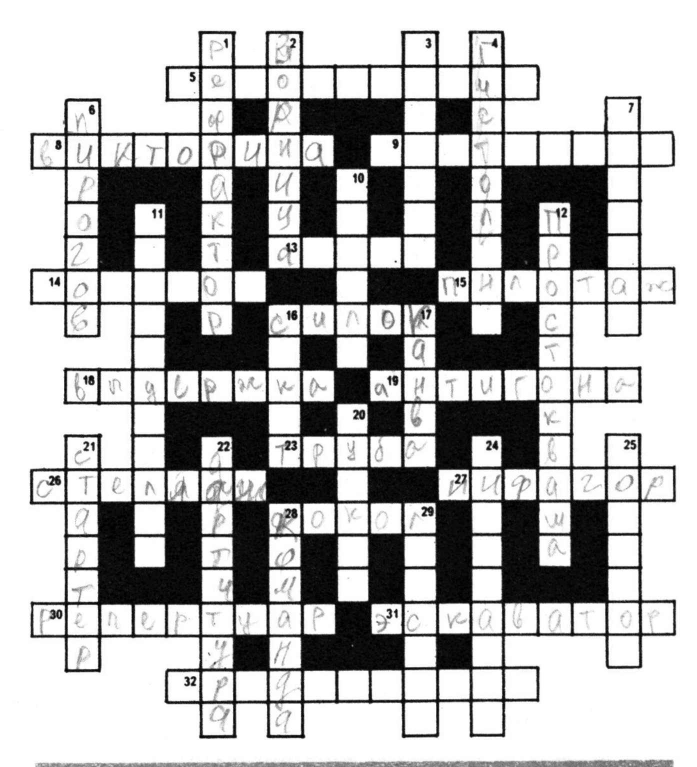
А сказочный терем Анны Николаевны Степановой, чье семидесятипятилетие с любовью отметил Валдай... Все дети этого города,— говорю без всякого преувеличения,— знают свою Сказочницу в лицо. Сама она учительница и тоже уроженка здешнего села Сухая Нива, за многолетнюю педагогическую работу награждена орденом Ленина.

Артистический талант Анны Николаевны несомненен. Буквально преображается она, как только начинает одну из своих бесчисленных сказок.

— Сколько же сказок вы знаете?

— Уж давно со счета сбилась!— смеется Анна Николаевна.— Знаю сказки народов и до страсти люблю их собирать! И не только советских народов, а, наверное, всех, какие только на свете есть!

Н. ТОЛЧЕНОВА

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Советский писатель. 8. Занимательная задача. 9. Газообразная оболочка Земли. 13. Порт в Чили. 14. Спортивная игра. 15. Искусство управления самолетом. 16. Приспособление для ловли птиц. 18. Отрывок текста. 19. Трагедия Софокла. 23. Духовой инструмент. 26. Ряды полок. 27. Древнегреческий философ и математик. 28. Хищная птица. 30. Подбор пьес, исполняемых в театре. 31. Землеройная машина. 32. Рассказ А. П. Чехова.

По вертикали: 1. Тип телескопа. 2. Отблеск далекой грозы. 3. Поэма А. С. Пушкина. 4. Наука о строении и жизнедеятельности клеток. 6. Русский хирург. 7. Средний уровень воды. 10. Спутник планеты Уран. 11. Итальянский композитор. 12. Молочный продукт. 16. Стихотворная форма. 17. Хлопчатобумажная ткань для вышивания. 20. Персонаж пьесы М. Горького «На дне». 21. Устройство для пуска двигателя внутреннего сгорания. 22. Нотная запись многоголосного музыкального произведения. 24. Русский изобретатель, разработавший схему реактивного летательного аппарата. 25. Танец. 28. Экипаж судна. 29. Роман А. А. Первенцева.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали: 4. Мелодрама. 5. Мингечаур. 10. Аносов. 11. «Аэлита». 13. Аверс. 17. Керамика. 19. Сказание. 20. Топология. 23. Тарантас. 24. Телескоп. 25. Палас. 27. «Оратор». 28. Тундра. 30. Комбайнер. 31. Полковник.

По вертикали: 1. Бюджет. 2. Уланова. 3. Каракас. 6. Катализатор. 7. Копия. 8. Жираф. 9. «Камаринская». 12. Пеликан. 14. Волошка. 15. Ротонда. 16. Филатов. 18. Анонс. 19. Свифт. 21. Атлас. 22. «Млада». 25. Примула. 26. Станина. 29. Фасоль.

На первой странице обложки: Воспитательница детского сада-яслей № 406 Москвы Ольга Савищева со своим воспитанником Егором Чикиным.

Фото Д. Ухтомского.

На последней странице обложки: Анна Николаевна Степанова, старейшая учительница города Валдая, награжденная орденом Ленина.

Фото Б. Кузьмина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, Д. Г. БОЛЬШОВ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

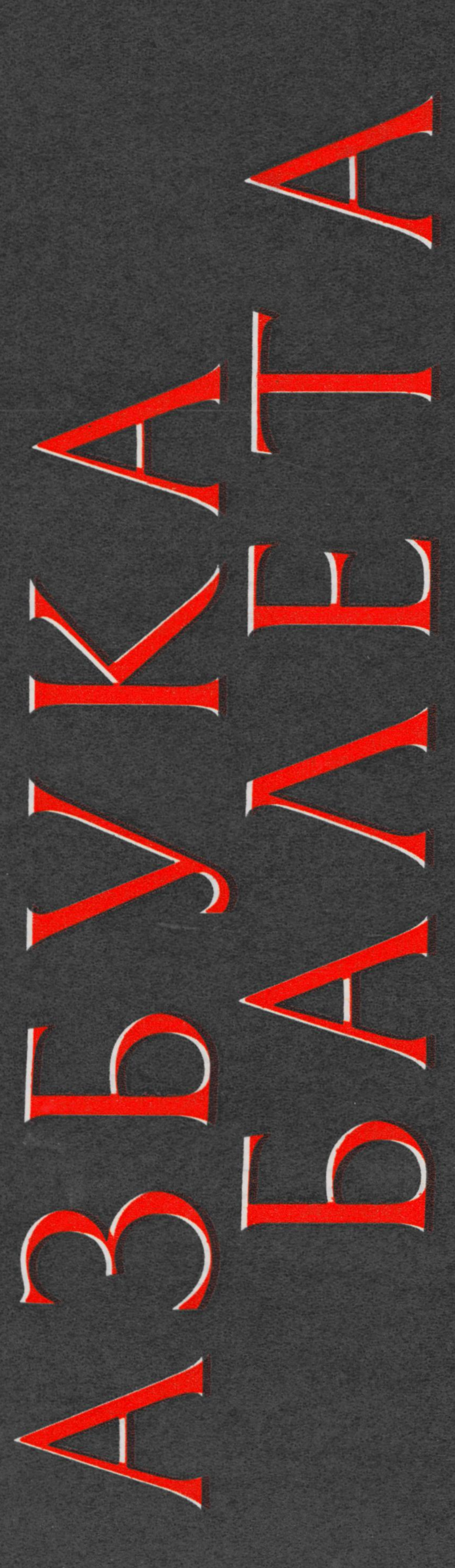
Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 12/II-73 г. А 00028. Подп. к печ. 27/II-73 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 448. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 177.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

О. САХАРОВА

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

АЗБУКА БАЛЕТА

Каждый год сюда приходят пятьдесят новичков — голенастых, угловатых мальчишек и девчонок. Трудно поверить, но они станут потом самыми пластичными, легкими, изящными и красивыми артистами — артистами балета... Их привозят из Уфы и Свердловска, из небольших чувашских и марийских городов и деревень — отовсюду, где побывает отборочная комиссия педагогов Пермского государственного хореографического училища.

С первого же дня начинается систематическая, тяжелая, скрупулезная работа. В балете не может быть дилетантов. Исполнительница партии Одетты и танцовщица кордебалета, стоящая во втором ряду лебедей, начинают одинаково. Возле каждой из них педагог не раз опускался на колени, помогая непослушным маленьким ногам занять безукоризненную позицию... Знаменитая балетная выворотность стопы, без которой немыслимо ни одно движение классического танца! Сколько же труда, упорства требует она и от маститого педагога и от маленького ученика. А ведь это только самое элементарное! Это азы балета, предваряющие накопление все более сложных движений. Они войдут в плоть и кровь ученика, станут для него естественными, привычными, а главное — понятными, осмысленными. Только тогда начинается танец.

В Пермском училище царит атмосфера труда, творчества; это сказывается во всем — в прекрасном оформле-

нии классов и школьного музея; в увлеченности, с которой ребята обсуждают прошедший урок, будь то характерный танец, классика или общеобразовательный предмет; в пионерской и комсомольской работе, где каждый новый день приносит новые идеи и новые заботы. Почему это так! Кто создает такой настрой в коллективе, где главной могла бы стать лишь неустанная забота о профессиональной выучке!

Ответить можно, только познакомившись с прекрасными педагогами Пермского хореографического училища. Они не просто подвижники своего многотрудного искусства. Хотя и это уже воспитывает в ребятах целеустремленное трудолюбие. Но главная задача, которую ставят перед собой и ведущие и молодые педагоги,— воспитание цельного, честного, многогранного в своих интересах человека. «Чистота танца заключена не только в аккуратном исполнении сложных па. Она — в духовной чистоте артиста...» Слова одного из старейших педагогов училища, Ю. И. Плахта, можно считать творческим кредо коллектива.

Воспитанников замечательных пермских педагогов Г. К. Кузнецовой, Л. П. Сахаровой, Н. Д. Сильванович знают многочисленные любители балета не только нашей страны. Старшее поколение их учеников давно работает в театре, некоторые уже имеют свои классы в училище... Славу пермской школы сегодня укрепляют и поднимают на новую ступень Любовь Кунакова, завоевавшая первое место на прошлогоднем конкурсе балета в Варне, Надя Павлова, с триумфом победившая на всесоюзном соревновании молодых артистов балета в Москве... Эти имена известны и любимы.

Но Пермское хореографическое училище дорого всем нам не только сегодняшней славой. Пройдите в классы во время занятий, придите на школьный спектакль «Коппелия», что двенадцатый сезон всегда с аншлагом идет в Пермском театре оперы и балета, поговорите о будущем с ребятами. И вы увидите, угадаете завтрашних героев балетного театра. Иначе и быть не может: в Перми умеют находить и растить таланты.

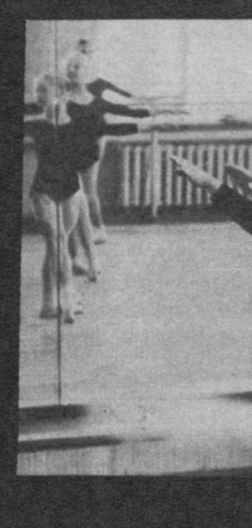
«Коппелия».

Директор училища П. Б. Коловарский (в центре).

Людмила Павловна Сахарова со своей ученицей Надей Павловой.

Класс — это работа и работа...

У будущих балерин перемена.

Так рождаются грации...

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663